

18+

ПУНКТ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

ЕВГЕНИЙ ВОЛКОВ

Евгений Волков

Пункт, которого не было

<https://litres.ru/74428883>

ISBN 9785007116152

Аннотация

Лера и Матвей — давние друзья, которые однажды принимают необычное решение: стать родителями общего ребёнка, не становясь парой. Они заранее прописывают правила, делят ответственность, расходы и время поровну — и уверены, что продумали почти всё. Но с рождением Тео жизнь начинает задавать вопросы, для которых в соглашении нет готовых пунктов. «Пункт, которого не было» — роман о родительстве, дружбе, выборе и о семье, которая может выглядеть совсем не так, как принято ожидать.

Содержание

ПРИМЕЧАНИЕ	5
ЧАСТЬ I. РЕШЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ ВМЕСТЕ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	44
ГЛАВА 4	66
ГЛАВА 5	85
ЧАСТЬ II. ОБА РОДИТЕЛЯ РАВНЫ	105
ГЛАВА 6	106
ГЛАВА 7	127
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Пункт, которого не было

Евгений Игоревич Волков

© Евгений Игоревич Волков, 2026

ISBN 978-5-0071-1615-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРИМЕЧАНИЕ

Вельден и Эльмарх в романе являются вымышленными городами. Персонажи, организации, учреждения и правовые процедуры также вымышлены. Любые совпадения с реально существующими лицами, организациями, местами и правовыми системами случайны.

Медицинские ситуации, описанные в романе, являются частью художественного произведения и не предназначены для использования в качестве медицинских рекомендаций.

ЧАСТЬ I. РЕШЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ ВМЕСТЕ

Пункт 1. Все существенные решения о ребёнке принимаются совместно.

ГЛАВА 1

Лера

Сентябрь, год 0

Лера поняла, что скамейки придётся передвинуть, ещё до того, как представитель района договорил.

— Здесь хороший визуальный коридор, — говорил он, стоя посреди будущего сквера и показывая планшетом на пустой прямоугольник утоптанной земли. — Если поставить их вдоль дорожки, как в проекте, родители смогут видеть площадку и одновременно...

— Смотреть на парковку, — сказала Лера.

Он замолчал.

За временным забором пятился грузовик. С другой стороны улицы кто-то безуспешно пытался втиснуть фургон доставки между двумя машинами. Ветер шевелил распечатку генплана в руках Мины, и та прижимала её локтем к папке.

Лера показала на два молодых клёна, которые муниципалитет настоял сохранить.

— Развернём скамейки сюда. Площадка останется в поле зрения, парковка уйдёт за спины. Между деревьями добавим стол. Если оставить всё как сейчас, через месяц люди сами перетащат лёгкие стулья, а тяжёлые просто перестанут использовать.

— Они прикручены, — напомнил представитель района.

— Тогда перестанут использовать быстрее.

Мина кашлянула в воротник куртки, пряча улыбку.

Через пятнадцать минут решение записали в протокол. Ещё через десять Лера уже шла к трамвайной остановке, одновременно слушая голосовое от Рубена, отвечая на письмо инженеров по водоотведению и пытаясь понять, зачем она утром положила в сумку три одинаковые ручки, но не положила зонт.

Дождь начинался мелкий, почти декоративный. К тому времени, когда подошёл трамвай, он стал нормальным осенним дождём — тем, после которого люди в транспорте пахнут мокрой шерстью, кондиционером для белья и раздражением.

На телефоне висело сообщение Матвея.

«Я уже здесь. Столик у окна. Заказал воду. Ничего героического».

Следом, через две минуты:

«И кимчи. Это не считается героизмом».

Лера посмотрела на время. Она опаздывала на семь минут.

«Еду».

Матвей поставил реакцию в виде похоронного венка.

Она убрала телефон в карман.

Утром, сидя в кабинете репродуктолога, Лера думала, что вечером расскажет ему сразу. Не потому, что собиралась просить совета. Скорее потому, что последние пятнадцать

лет самые важные новости редко становились окончательно настоящими до тех пор, пока Матвей о них не знал.

Теперь, пока трамвай полз по мокрому Вельдену, ей всё меньше хотелось начинать этот разговор.

В клинике всё было слишком спокойным. Светлые стены. Вода с лимоном. Врач лет сорока пяти, которая не сказала ни разу ни «в вашем возрасте», ни «ещё не поздно», за что Лера была ей почти благодарна. Вместо этого были цифры, анализы, варианты, вероятность, сроки. Донорский материал. Стимуляция или естественный цикл. Дополнительные обследования. Заморозка эмбрионов как возможная стратегия, а не обещание.

Лера записывала.

Она всегда лучше понимала происходящее, когда могла записать.

В какой-то момент врач спросила:

— У вас есть партнёр, которого нужно включить в обсуждение?

— Нет.

Ответ получился настолько быстрым, что женщина просто кивнула и перешла к следующему пункту.

Никакой трагедии. Никакой пустоты в кабинете. Никакой музыки, которая должна была сопровождать осознание того, что в тридцать шесть лет Лера собирается решать вопрос о ребёнке без человека, с которым делит жизнь.

И всё же после приёма она двадцать минут сидела в ко-

фейне напротив клиники с нетронутым эспрессо и перечитывала лист, где в верхнем углу было напечатано её имя.

ВАЛЕРИЯ МАРИНА

ПЛАН ОБСЛЕДОВАНИЯ

Как будто речь шла о системе вентиляции.

В ресторане было жарко. Стёкла запотели, и улица за ними расплылась в жёлтые полосы света.

Матвей сидел у окна, как обещал, в сером свитере, который Лера помнила по меньшей мере лет шесть. Когда-то на левом локте была дырка, потом исчезла. Лера подозревала, что свитер не починили, а просто однажды заменили на практически идентичный, но Матвей отрицал существование второго.

— Девять минут, — сказал он вместо приветствия.

— Семь.

— Я учитываю моральный ущерб.

— Ты пришёл раньше.

— Не искажай факты ради удобной версии событий.

Она сняла пальто и повесила на спинку стула.

— Что у тебя?

— У меня режиссёр, который решил сегодня, что фильм на семьдесят две минуты должен стать фильмом на пятьдесят восемь, но без сокращения материала.

— Пространственно-временная компрессия.

— Я предложил ускорить все интервью на двадцать процентов. Он почему-то не оценил.

— Непрофессионал.

Матвей подвинул к ней меню, хотя оба знали его почти наизусть.

Они приходили сюда с тех пор, как ресторан был крошечной забегаловкой с восемью столами и официантом, который однажды три месяца называл Матвея Михаилом. Теперь здесь были латунные лампы, бронь через приложение и отдельная карта натуральных вин. Матвей продолжал заказывать то же самое блюдо с лапшой.

Лера открыла меню.

— Ты всё равно возьмёшь баклажаны, — сказал он.

— Я рассматриваю варианты.

— Ты рассматриваешь шрифт.

— Он изменился.

— Катастрофа.

Подошла официантка. Они заказали почти без обсуждения. Когда девушка ушла, Матвей потянулся к банке кимчи.

Лера сказала:

— Я сегодня была в клинике.

Он остановился на полпути.

Не театрально. Просто перестал тянуться за кимчи.

— В какой?

Она назвала.

— Репродуктивной?

— Угу.

— Всё нормально?

Вопрос был задан без паники. Лера оценила это сильнее, чем хотела.

— Насколько я пока знаю, да. Мне назначили анализы. Ничего срочного.

Матвей откинулся на спинку стула.

— Хорошо.

Он помолчал ровно столько, чтобы не начать задавать вопросы раньше неё.

Этим он тоже был удобен. Не всегда. В некоторых областях Матвей мог засыпать человека вопросами, на которые тот ещё не успел сформировать собственный ответ. Но за пятнадцать лет он выучил, что если Лера говорит «я расскажу», лучше дать ей рассказать.

Она поставила телефон на стол, открыла фотографию листа из клиники и сама удивилась, насколько это похоже на презентацию.

— Я серьёзно рассматриваю ребёнка.

— Я понял часть с клиникой.

— Самостоятельно.

Он посмотрел на неё.

Лера добавила:

— С донором.

Матвей ничего не сказал.

— Можешь не делать такое лицо.

— Какое?

— Как будто я сообщила, что купила альпаку.

— Альпака была бы неожиданнее.

— Спасибо.

— Я не делаю лицо. Я думаю.

— Вот это меня и тревожит.

Принесли воду. Официантка разлила её по стаканам и ушла. Матвей подождал, пока она отойдёт.

— Насколько серьёзно?

— Настолько, что я сходила на консультацию.

— Это я тоже успел восстановить по уликам.

Лера посмотрела на него.

— Прости. Дальше.

Она рассказала про анализы. Про сроки. Про то, что решение не нужно принимать завтра и что она не собирается принимать его завтра. Про варианты, которые врач предложила рассмотреть сначала. Про деньги.

На слове «деньги» Матвей наконец оживился привычным образом.

— Сколько?

Лера назвала диапазон.

— За одну попытку?

— Зависит от протокола.

— И страховка?

— Часть обследований. Не всё.

— Ты считала дальше?

— Конечно.

— Зря спросил.

Она уже считала. Не до университетского образования ребёнка и не до воображаемой свадьбы в двадцать девять лет — у Леры оставалось чувство меры. Но декрет, снижение дохода, ясли, резерв на медицинские расходы, возможность перейти на четыре рабочих дня в первые месяцы после возвращения — всё это было в таблице.

Таблица пока называлась «вариант_3», потому что давать ей более человеческое имя казалось преждевременным.

— Квартира подходит, — сказала Лера. — Если переставить кабинет. И у меня нормальный резерв. Не идеальный, но нормальный. Мама сможет иногда помогать, хотя я не хочу строить план на том, что она обязана. Есть платные ясли с восьмью месяцев, но я бы хотела дольше побыть дома, если получится. Работа в целом позволяет...

— Нормальный резерв — это сколько месяцев?

— Шесть, если ничего не случится с ипотекой. Четыре, если я буду считать декрет так, как будто бюро внезапно разучится платить бонусы.

— То есть ты уже сделала плохой сценарий и очень плохой сценарий.

— Ещё есть неприятный.

— Чем он отличается от очень плохого?

— В неприятном я продаю машину.

Матвей посмотрел на неё.

— Лер, ты едешь на ней раз в две недели. Это не сценарий, это освобождение парковочного места.

— Она мне нравится.

— Ты называешь её «машина».

— Не всем предметам нужна эмоциональная поддержка.

Он покачал головой и снова взялся за стакан.

— А Галина?

Лера поморщилась.

— Пока не знает.

— Я догадался по тому, что город ещё стоит.

— Она не устроит скандал.

— Нет. Она скажет «я просто хочу понять», и через сорок минут ты обнаружишь, что защищаешь диссертацию.

Это было настолько точное описание матери, что Лера невольно улыбнулась.

— Сначала она спросит, почему я решила усложнить себе жизнь. Потом скажет, что поддержит любой мой выбор. Потом пришлёт номер женщины, с которой вместе работала в девяносто восьмом и у которой племянница «тоже что-то делала через клинику».

— Полезный ресурс.

— Потом позвонит папа и скажет, что мама вообще не переживает.

— А на фоне будет слышно, как она переживает.

— Именно.

Они оба знали эту последовательность. Матвей бывал у её родителей достаточно много лет, чтобы перестать быть гостем, но недостаточно часто, чтобы Галина перестала пред-

лагать ему еду каждые двадцать минут. На прошлое Рождество она завернула ему с собой половину пирога и отдельно предупредила Леру, что Матвей выглядит худым. Матвей потом три дня доказывал, что это комплимент.

— Я ей скажу, когда будет что говорить, — добавила Лера.

— Не хочу устраивать семейный совет вокруг гипотезы.

— А если гипотеза станет планом?

— Тогда скажу. И Свете. И на работе ровно тогда, когда потребуется.

— Твоя любимая модель: никто не знает ничего до момента, когда информация становится операционно необходимой.

— Она отлично работает.

— Для проектов.

— И для людей.

Матвей поднял брови.

— Не начинай.

— Я ничего не сказал.

— Ты очень громко ничего не сказал.

— Лер.

Она замолчала.

— Что?

— Ты сейчас убеждаешь меня или себя?

— Никого. Я объясняю.

— Ты объясняешь так, как объясняла комиссию по площади у старого вокзала.

— Комиссия хотя бы читала материалы заранее.

— И всё-таки.

Она сложила руки на столе.

— Хорошо. Я боюсь.

Матвей кивнул, не торжествуя.

Это немного раздражало. Лера терпеть не могла, когда люди выглядели так, будто получили от неё нужное признание. Матвей, к его чести, не выглядел.

— Чего именно? — спросил он.

— Всего именно.

— Полезная формулировка.

— Я работаю над ней.

Принесли баклажаны и его лапшу. Несколько секунд они занимались едой, как будто разговор можно было временно поставить на паузу вместе с горячей тарелкой.

Лера была голодна и только теперь это заметила.

Матвей попробовал лапшу, поморщился и добавил соус.

— Ты же каждый раз говоришь, что здесь достаточно острая еда, — сказала она.

— Человек имеет право расти.

— У тебя гастрит растёт.

— Мы говорили о ребёнке.

— Видишь, ты уже меняешь тему.

Он улыбнулся, но быстро стал серьёзным.

— Ты давно об этом думаешь?

— О ребёнке — давно. О доноре — несколько месяцев.

— И мне не сказала.

Это было произнесено спокойно. Поэтому Лера услышала укол яснее.

— Я никому не сказала. Кроме врача.

— Это должно меня утешить?

— Нет. Это информация.

— А.

Он взял палочки.

— Матвей.

— Я не обиделся.

— Ты обиделся.

— Я взрослый человек. Я могу немного обидеться и продолжить ужин.

— Какая зрелость.

— Спасибо. Она пришла ближе к сорока. Неожиданно.

Лера выдохнула.

— Я не говорила, потому что пока это было только у меня в голове. Если начать рассказывать, все сразу получают мнение. Мама получит тревогу. Света — список ссылок. Ты...

— Я что?

— Ты начнёшь проверять, не принимаю ли я решение из страха.

— Принимаешь?

— Вот.

— Это не ответ.

— Нет. По крайней мере, я так не думаю.

Матвей продолжал смотреть.

Лера знала это выражение. Он не пытался поймать её на противоречии; он просто не собирался помогать ей уйти от вопроса.

— Да, возраст имеет значение, — сказала она. — Было бы глупо делать вид, что нет. Мне тридцать шесть. Я не хочу ждать ещё пять лет только потому, что общественно более аккуратно сначала встретить человека, потом достаточно долго проверить отношения, потом решить, хотим ли мы ребёнка, потом обнаружить, что он вообще детей не хочет.

— Справедливо.

— Но я не хочу ребёнка потому, что мне тридцать шесть. Я хочу ребёнка и потому вынуждена учитывать, что мне тридцать шесть. Это разные вещи.

— Хорошо.

— И я не хочу ходить на свидания с внутренним секундомером. Это отвратительно для всех участников.

— Особенно для человека напротив.

— «Здравствуйте, чем занимаетесь, как относитесь к совместной ипотеке, вот результаты моих анализов».

— Сильное второе свидание.

— Первое. У нас нет времени.

Матвей рассмеялся. Лера тоже, и на секунду разговор стал прежним: два человека обсуждали чужую нелепость, а не возможное устройство её будущей жизни.

Потом Матвей спросил:

— А отношения вообще?

— Что отношения?

— Ты их исключила?

— Нет. Просто перестала считать обязательной предпосылкой.

— То есть если завтра появится прекрасный кто-нибудь...

— Завтра он опоздал к проекту.

— Бедный прекрасный кто-нибудь.

— Я не собираюсь выбирать партнёра по пригодности к срочному отцовству. И не собираюсь изображать близость, потому что мне нужен второй взрослый в детской комнате.

Матвей кивнул.

— Это звучит очень по-твоему.

— В плохом смысле?

— В точном.

Она хотела спросить, что именно он имеет в виду, но передумала. Иногда точность Матвея была хуже критики: её нельзя было удобно опровергнуть.

Они ели молча. За соседним столом ребёнок лет пяти ронял на пол палочки, а его отец в третий раз говорил: «Подними, пожалуйста», с интонацией человека, который ещё утром верил в силу последовательности.

Лера поймала себя на том, что смотрит туда слишком долго.

Ребёнок наконец поднял палочки, положил их на стол и немедленно столкнул локтем стакан.

Матвей проследил за её взглядом.

— Реклама работает?

— Очень.

— Особенно часть с водой на полу.

Отец за соседним столом закрыл глаза.

Лера улыбнулась.

— Я не думаю, что будет легко.

— Я знаю.

— Нет, правда. Я не строю фантазию про красивую кро-
ватку и деревянные игрушки.

— Деревянные игрушки всё равно будут.

— Почему?

— Ты архитектор. У вас это обязательное условие лицен-
зии.

— Я куплю ему мигающий пластиковый грузовик только
назло тебе.

— И через три дня выбросишь батарейки.

Она хотела ответить, но Матвей вдруг спросил:

— А почему одна?

Лера нахмурилась.

— В каком смысле?

— В буквальном. Почему план сразу устроен так, что ты
одна?

— Потому что это самостоятельное материнство. В этом
довольно много подсказок в названии.

— Я понял термин.

— Тогда что ты спрашиваешь?

Матвей отложил палочки.

— Ты перечислила клинику, деньги, ясли, свою маму иногда, платную помощь, возможность сократить работу. Всё звучит так, будто исходное условие задачи уже определено. Есть ты, ребёнок и разные люди, которые время от времени помогают.

— Да.

— Почему?

— Потому что второго родителя нет.

— Сейчас нет.

— Матвей, я только что двадцать минут объясняла, почему не собираюсь искать человека на роль отца по объявлению.

— Я не предлагаю искать.

Что-то в его голосе изменилось настолько мало, что Лера заметила это только потому, что знала его давно.

Она положила вилку.

— Что именно ты предлагаешь?

Матвей провёл большим пальцем по краю стакана. Потом посмотрел на неё прямо.

— Ничего пока не предлагаю. Я спрашиваю.

— Ты ужасно раздражающий человек.

— Это не новость.

— Спрашивай.

Он помолчал.

— Ты ведь считаешь меня человеком, который в принципе способен быть нормальным отцом?

Лера моргнула.

— Это проверка самооценки?

— Нет.

— Тогда да. Думаю, способен.

— И ты мне доверяешь?

— В зависимости от категории имущества.

— Ребёнок, надеюсь, не категория имущества.

— Тогда вопрос сформулирован плохо.

— Лера.

— Да. Я тебе доверяю.

Сказать это оказалось странно. Не потому, что она сомневалась. Наоборот. Некоторые вещи становились неловкими только после того, как их произносили вслух.

Она доверяла Матвею ключи от квартиры. Он был первым человеком, которому она позвонила, когда отец пять лет назад попал в больницу с сердечной аритмией. Лера однажды забирала Матвея из полицейского участка в двадцать четыре — не из-за преступления, а из-за документальной съёмки, законность которой режиссёр понимал значительно оптимистичнее полиции. Они видели друг друга после расставаний, увольнений, гриппа, провальных проектов и очень плохих стрижек.

Это всё не имело отношения к детям.

И вдруг имело.

— Хорошо, — сказал Матвей. — Тогда почему ты уверена, что должна делать это одна?

ГЛАВА 2

Матвей

24 сентября, год 0

На восьмой день после того ужина Матвей обнаружил, что режиссёр всё-таки умеет сокращать материал. Просто исключительно чужими руками.

— Если мы уберём эту паузу, — сказал Томас, наклонившись к монитору так близко, будто собирался войти внутрь монтажной программы, — сцена не потеряет воздух?

Матвей посмотрел на синюю полосу таймлайна.

— Там две целых восемь десятых секунды.

— Иногда две секунды — это всё.

— Тогда предлагаю оставить две, а восемь десятых посвятить бюджету.

Томас не отреагировал. Он уже смотрел дальше.

На экране женщина в рабочей куртке стояла на пустой платформе и молчала перед ответом на вопрос. Вчера это молчание считалось «важнейшей точкой фильма». Сегодня оно стало кандидатом на удаление, потому что телеканал снова напомнил: пятьдесят восемь минут означают пятьдесят восемь, а не «пятьдесят восемь, если не считать титры, заставку и очень нужное молчание».

Матвей поставил маркер.

— Обед? — спросил он.

— Через двадцать минут.

— Ты говорил это сорок минут назад.

— Значит, теперь осталось минут двадцать.

В другой день Матвей бы рассмеялся. Сегодня он просто снял наушники и встал.

— Мне надо выйти.

— Куда?

— Туда, где люди иногда едят до наступления следующего календарного дня.

— Принеси кофе.

— Нет.

— Тогда ты уходишь не туда.

На улице было сухо и холоднее, чем неделю назад. Вельден за семь дней успел перейти из той стадии сентября, когда люди всё ещё носят лёгкие куртки из принципа, в ту, когда принцип начинает продуваться насквозь.

Матвей дошёл до булочной на углу, купил сэндвич, который выглядел существенно лучше, чем стоил, и кофе для себя. Для Томаса тоже купил. Отрицание было полезно как эмоциональная позиция, но не как производственный процесс.

Телефон он достал уже у двери студии.

От Леры было два сообщения.

Первое — фотография временного ограждения возле какого-то сквера и подпись: «Они всё-таки поставили урны туда, куда обещали не ставить».

Второе, через минуту: «Я рассматриваю это как личное оскорбление».

Матвей ответил: «Суд. Только суд».

Лера поставила большой палец.

И всё.

За последнюю неделю они переписывались каждый день. Почти как обычно.

Она прислала ему статью про город, где запретили наружные кондиционеры на исторических фасадах. Он прислал ей фотографию человека в метро, который вёз в кресле для младенца огромный арбуз. Лера спросила, каким образом он умудрился забыть вернуть ей зарядку, хотя зарядка лежала у него в сумке именно потому, что он собирался вернуть её в прошлый четверг.

О ребёнке они не говорили.

Точнее, после ресторана говорили ещё минут двадцать. Эту часть Матвей теперь прокручивал в памяти чаще, чем ему нравилось.

Он тогда сказал то, до чего уже дошёл вопросом, но ещё не словами: что сам давно хочет ребёнка; что не особенно верит в необходимость сначала найти человека, с которым захочется прожить романтическую жизнь, а потом надеяться, что этот же человек окажется тем, с кем получится быть родителями; что идея совместного родительства с Лерой кажется ему не безумнее многих способов, которыми люди обычно заводят детей.

Лера выслушала его с тем выражением лица, с каким смотрела на чертёж, где кто-то поставил несущую колонну посреди двери.

Потом спросила:

— Ты это сейчас придумал?

Он честно ответил:

— Формулировку — да.

Это был плохой ответ.

Поэтому он добавил, что желание стать отцом не придумал за ужином.

Лера сказала, что ей нужно подумать.

Потом посмотрела на него поверх стакана и сказала:

— И тебе тоже.

Матвей сначала хотел возмутиться. Потом понял, что именно это собирался бы сказать ей сам, если бы роли поменялись.

С тех пор он думал.

Не непрерывно. У него всё-таки была работа, счета, холодильник, который последние три недели издавал звук, похожий на далёкий мотоцикл, и сосед сверху, решивший в сентябре научиться играть на саксофоне. Но мысль о ребёнке теперь существовала в его дне как ещё одна открытая программа: даже когда окно было свёрнуто, он знал, что оно работает.

Он вернулся в монтажную, отдал Томасу кофе и сел.

— Ты прекрасный человек, — сказал Томас.

— Нет. Я просто хочу закончить фильм до своей естественной смерти.

В половине третьего ночи они действительно закончили очередную версию.

Томас ушёл первым, пообещав «утром посмотреть свежим взглядом», что на языке режиссёров означало появление новых правок около одиннадцати.

Матвей остался сохранить резервные копии.

Пока файлы переносились на сервер, он открыл календарь.

Следующая неделя была похожа на плохо сыгранный тетрис. В понедельник запись закадрового текста. Во вторник встреча по новому проекту, время пока не подтверждено. В среду — цветокоррекция. В пятницу, возможно, выезд на два дня, если герой фильма согласится на досъёмку. Слово «возможно» стояло в его календаре так часто, будто являлось официальным названием работодателя.

Матвей смотрел на экран и впервые пытался представить не ребёнка вообще, а ребёнка внутри этого календаря.

Не младенца из рекламы подгузников. Не мальчика лет семи, которому он показывает, как устроена камера. Не смешную будущую реплику за семейным столом.

Вторник. Восемь утра. Температура тридцать восемь и семь.

Среда. Детский сад звонит в половине четвёртого.

Пятница. Досъёмка, на которую невозможно взять чело-

века с ветрянкой.

Суббота. Он обещал быть дома.

Матвей закрыл календарь.

Через секунду открыл снова.

Это не было открытием. Он не считал, что дети существуют только в красивых сценах. У Оскара была дочь, и Матвей видел достаточно фотографий с кашей на волосах, чтобы понимать общую концепцию. Он несколько раз сидел с детьми знакомых. Умел менять подгузник, хотя последний раз делал это лет пять назад и подозревал, что технология не успела принципиально измениться.

Но чужой ребёнок всегда приходил вместе с временем возврата.

Даже если это время было «после полуночи».

У собственного времени возврата не существовало.

Матвей понял, что именно здесь его прежние рассуждения об отцовстве всегда становились размытыми. Он хотел ребёнка не первый год. Это не было внезапным приступом в тридцать восемь и не попыткой догнать друзей, которые теперь обсуждали школы чаще, чем концерты. Несколько лет назад одна женщина, с которой он прожил почти три года, хотела очень конкретное будущее: общую квартиру, свадьбу, ребёнка в ближайшие два года. Матвей хотел ребёнка и не хотел почти всё остальное в той последовательности, в которой это предлагалось. Они долго пытались убедить себя, что различие косметическое. Оказалось — нет.

В других отношениях было наоборот. Там всё устраивало, пока разговор не дошёл до детей и не выяснилось, что его партнёрша совершенно искренне не собирается становиться матерью. Матвей тогда не пытался переубеждать её. Просто через несколько месяцев они оба признали, что любовь к человеку не всегда отменяет несовместимое будущее.

После этого он научился отвечать на вопрос «ты хочешь детей?» без привычного юмора. Да. Хочет.

Но между словом «хочу» и ребёнком всегда стояла неопределённая будущая конструкция, которую он предполагал решить потом. С кем. Где. Каким образом. Нужно ли для этого обязательно жить одной семьёй в одной квартире. Что будет с его работой.

Лера в эту конструкцию никогда не входила. Не потому, что он запрещал себе такую мысль или чего-то не замечал. Просто она занимала в его жизни другое место, давно определившееся и поэтому почти невидимое. Он мог представить её человеком, которому позвонит среди ночи. Мог представить, как они в семьдесят спорят, кто из них неправильно помнит поездку двадцатилетней давности.

До прошлой недели он не представлял, что они могут растить одного ребёнка.

Теперь представлял — и именно поэтому обязан был проверить идею хуже, чем проверил бы любую красивую возможность.

Он закрыл ноутбук только в три десять.

Дома холодильник гудел. Сверху, к счастью, никто не играл гаммы. Матвей открыл дверцу, посмотрел на банку горчицы, половину лимона, сыр и контейнер с едой, который не помнил, когда купил.

На крышке было написано маркером «СР».

Сегодня была среда. Технически.

Он понюхал содержимое и выбросил.

Потом постоял с открытой дверцей и подумал, что Лера в этой точке рассуждения немедленно составила бы таблицу.

Мысль была несправедливой. Лера умела жить без таблиц. Иногда.

Он сделал два бутерброда, съел один над раковиной, второй положил в холодильник и специально поставил напоминание: «СЪЕШЬ ЭТО ЗАВТРА».

Через минуту добавил второе: «ЭТО НЕ ПЛАН РОДИТЕЛЬСТВА».

Засмеялся сам себе и лёг спать.

Утром напоминание показалось значительно менее смешным.

В четверг он позвонил отцу.

Не потому, что Борис был семейным мудрецом. В семье Кориных семейные мудрецы вообще не водились. Были люди, которые хорошо готовили суп, люди, которые знали, где лежат документы, и люди, которые в критический момент говорили: «Ну, теперь уже надо что-то делать».

Борис относился к последней категории.

— Ты дома? — спросил Матвей.

— Смотря кто спрашивает.

— Налоговая.

— Тогда я умер.

— Вчера?

— Несколько лет назад. Вы удивительно медленно работаете.

— Я заеду вечером.

— Привези хлеб.

— Какой?

— Съедобный.

— Понял. Как обычно, требования сформулированы без технического задания.

— Тебе семь лет было, ты уже тогда умудрялся купить не тот хлеб.

— Мне дали три монеты и сказали «тот, который мы берём».

— Мы брали один и тот же два года.

— Я был ребёнком.

— Вот видишь. А сейчас взрослый. Есть надежда.

Матвей положил трубку и несколько секунд смотрел на телефон.

Иногда Борис попадал в тему случайно и от этого особенно раздражающе точно.

Родители жили в квартире, где Матвей вырос с двенадцати лет. Формально она давно была слишком большой для

двоих. Практически каждая попытка Нины предложить переезд заканчивалась тем, что Борис спрашивал, куда в новой квартире они денут коробки с кассетами, старые объективы, книги, ещё одну коробку с кассетами и деревянный стул, на котором никто не сидел с 2009 года, но который «хороший».

Нины дома не было — в четверг она вела вечерний курс истории искусства.

Борис открыл дверь, посмотрел на пакет в руках сына и спросил:

— Нормальный?

— Хлеб?

— Нет, ты.

— Поздно уточнять.

— Проходи.

На кухне стояла кастрюля супа. Матвей заглянул под крышку.

— Мама оставила?

— Я приготовил.

Матвей медленно повернулся.

— Что?

— Ничего. Просто приятно видеть, что семьдесят — возраст новых возможностей.

— Сядь и ешь, пока я не доказал ещё одну возможность.

Суп оказался хорошим.

Они успели обсудить новый объектив Бориса, отопление в доме, идиотскую реконструкцию перекрёстка и фильм, ко-

торый Матвей монтировал. Борис сказал, что семьдесят две минуты было бы лучше. Матвей ответил, что телеканал будет рад получить его личный взнос за дополнительное эфирное время.

Только после второй тарелки он сказал:

— Лера думает завести ребёнка.

Борис поднял взгляд.

— Хорошо.

— Самостоятельно. Через клинику.

— А.

Матвей подождал.

— И это всё?

— А что я должен сказать?

— Не знаю. Обычно у людей есть мнение.

— У меня есть. Это её дело.

Матвей посмотрел на отца.

— Очень современно.

— Я старый, а не идиот.

— Иногда граница тонкая.

Борис отпил воды.

— Ты поэтому приехал?

Вот за это Матвей иногда не любил разговаривать с людьми, которые знали его дольше, чем он умел убедительно врать.

— Я предложил ей другой вариант.

— Какой?

— Меня.

Борис перестал жевать.

Это было первое по-настоящему удовлетворительное выражение лица за неделю.

Матвей улыбнулся.

— Спасибо. Вот примерно такой реакции я ожидал от нормального человека.

— В каком смысле «тебя»?

— В прямом. Я тоже хочу ребёнка. Мы давно друзья. Я ей доверяю. Она мне, по её словам, тоже. Я спросил, почему она считает, что должна делать это одна. Потом сказал, что мы можем хотя бы рассмотреть совместное родительство.

— Вы как пара?

— Нет.

— Жить вместе?

— Нет.

— Жениться?

— Пап.

— Я уточняю конфигурацию.

— Два родителя. Два дома. Без попытки изображать отношения, которых нет.

Борис откинулся на стуле.

Он не выглядел возмущённым. Это почему-то заставило Матвея говорить осторожнее.

— Она ничего не ответила, — добавил он. — Сказала подумать. Мне тоже сказала подумать.

— Разумно.

— Я знаю.

— Тебя это раздражает?

— Нет.

— Значит, раздражает.

— Меня раздражает, когда ты используешь эту схему как универсальный диагностический инструмент.

— Работает же.

Матвей отодвинул пустую тарелку.

— Я пытаюсь понять, не предложил ли я вещь, которая хорошо звучит первые десять минут.

Борис кивнул, но не ответил сразу.

Из коридора тикали часы. Они тикали там ещё в школьные годы Матвея, и он никогда не понимал, почему часы размером с небольшую тарелку производят звук, как устройство обратного отсчёта.

— Ты хочешь ребёнка? — спросил Борис.

— Да.

— Давно?

— Давно.

— Тогда в чём вопрос?

— В том, хочу ли я быть отцом или мне нравится идея быть отцом.

Борис пожал плечами.

— Это ты узнаешь после.

— Очень полезно.

— А как ты узнаешь до? Я до твоего рождения тоже думал, что понимаю, что такое дети.

— И?

— Я был очень образованным человеком. Прочитал две книги.

Матвей усмехнулся.

— Одну не дочитал, — добавил Борис. — Там начались зубы.

— Ты сейчас пытаешься меня успокоить?

— Нет. Ты спросил.

Матвей покрутил стакан.

— Я не могу обещать, что через пять лет у меня не появится работа в другом городе. Или отношения. Или что я внезапно не возненавижу вставать в шесть утра.

— Последнее можешь не проверять пять лет. Ты уже ненавидишь.

— Спасибо.

— А Лера может обещать?

— Нет.

— Тогда не обещайте будущее. Обещайте то, что можете сделать сейчас.

Фраза была почти слишком хорошей для Бориса. Матвей подозрительно посмотрел на него.

— Это мама сказала?

— Что?

— Ничего.

Борис взял хлеб и начал резать ещё два куска.

— Только одно, — сказал он.

— Что?

— Не предлагай ей быть отцом ребёнка, если на самом деле предлагаешь быть человеком, который иногда приходит помогать.

Матвей не ответил.

— Это разные вещи, — продолжил Борис. — Помогать удобно. Родителем ты являешься и когда неудобно.

— Я понимаю.

— Нет. Но это нормально. Я тоже не понимал.

Матвей хотел пошутить, но не стал.

Потому что именно эта мысль преследовала его всю неделю, просто он формулировал её иначе.

Не «готов ли я любить ребёнка».

С этим вопросом ему было относительно легко.

Не «умею ли я обращаться с детьми».

Этому можно научиться.

А готов ли он сделать другого человека постоянным участником решений, которые раньше принадлежали только ему.

Работа. Деньги. Квартира. Выходные. Новый фильм. Новый город. Человек, с которым он когда-нибудь будет встречаться и который совершенно справедливо спросит, почему половина календаря уже занята жизнью, начавшейся задолго до него.

Матвей знал себя достаточно хорошо, чтобы не считать это мелочью.

Он любил возможность сказать «разберёмся».

Чаще всего действительно разбирался.

Но ребёнок не был сорванным съёмочным днём, который можно компенсировать ещё одной сменой в воскресенье.

— Я не хочу быть помощником, — сказал он.

Борис кивнул.

— Тогда это уже полезная информация.

— Это всё? Никакой речи о традиционных ценностях?

— Могу сказать, что ребёнку нужны мама и папа, если тебе станет легче.

— Не станет.

— Мне тоже. Потому что я до сих пор не понимаю, что именно люди пытаются этой фразой решить.

Матвей улыбнулся.

— Мама знает, что ты такой прогрессивный?

— Твоя мать прожила со мной сорок два года. Она знает обо мне вещи похуже.

Когда Матвей уходил, Борис сунул ему контейнер с супом.

— Не надо.

— Возьми.

— У меня есть еда.

— Ты открыл холодильник перед тем, как приехать?

Матвей замолчал.

— Вот, — сказал Борис. — Начни с супа. Потом дети.

— Очень смешно.

— Я не шутил.

На лестнице Матвей получил сообщение от Томаса: «Вернул сцену с паузой. Без неё пусто».

Матвей написал: «Конечно».

Следом пришло другое сообщение.

Лера.

«Я подумала».

Он остановился между этажами.

Через несколько секунд появилось второе:

«Это не значит да».

Матвей улыбнулся.

«Я и не решил, что значит».

Три точки появились сразу.

«Я готова рассмотреть вариант. Только рассмотреть. До решения очень далеко».

Он перечитал сообщение два раза.

Неделю назад это, возможно, вызвало бы у него всплеск радости — ощущение, что идея не умерла в момент появления.

Сейчас первым пришло другое чувство.

Вес.

Не плохой. Просто настоящий.

Он поставил контейнер с супом на подоконник и написал:

«Я тоже подумал. Предложение не отзываю. Но если мы это всерьёз рассматриваем, нам нужно искать причины не

делать этого, а не причины делать».

Лера отвечала дольше обычного.

«Согласна».

Потом:

«У меня уже есть список».

Матвей закрыл глаза.

«Конечно есть».

«Тридцать один пункт».

«За неделю?»

«За вечер».

Он рассмеялся так громко, что дверь квартиры на площадке открылась на несколько сантиметров и пожилая женщина посмотрела на него с подозрением.

Матвей поднял ладонь в извинении.

Телефон снова завибрировал.

«И я нашла семейного консультанта. Не для терапии. Для проверки идеи. В следующий четверг в 18:00 есть окно».

Он посмотрел на календарь, хотя почти наверняка знал, что в следующий четверг у него стояло какое-то «возможно».

Стояло.

Встреча по новому проекту. Время не подтверждено.

Матвей нажал на запись, удалил её и написал Томасу: «В следующий четверг после пяти меня нет. Если появится встреча — без меня или раньше».

Только потом ответил Лере:

«Записывай».

Она прислала большой палец.

Никакой торжественности.

Никаких поздравлений.

Матвей поднял контейнер с супом и пошёл вниз.

На улице уже стемнело. В кармане лежал телефон с новым событием в календаре, которого утром там не было.

Четверг, 18:00.

Семейный консультант.

Слово «семейный» выглядело преждевременно и немного нелепо.

Матвей всё равно оставил его как было.

ГЛАВА 3

Лера

1 октября, год 0

В приёмной семейного консультанта стояли два одинаковых кресла и одно третье, заметно удобнее.

Лера заметила это сразу и решила, что если третье предназначено специалисту, то у профессии есть хотя бы одна честная привилегия.

Матвей пришёл за четыре минуты до неё и уже сидел в одном из одинаковых кресел, держа на коленях бумажный стаканчик. Второй стоял на низком столике.

— Это мне? — спросила Лера.

— Нет. Я просто люблю покупать кофе парами и смотреть, как второй остывает.

Она сняла плащ, села и взяла стаканчик.

— Без сиропа?

— Я тебя знаю пятнадцать лет.

— Именно поэтому проверяю. Люди меняются.

— За неделю?

— Ты записался к семейному консультанту. Я больше ничему не удивлюсь.

Матвей посмотрел на дверь кабинета.

На матовом стекле было написано: «Мари Норт. Семейный психолог. Консультации взрослых и семей».

Слово «семейный» раздражало Леру меньше, чем она ожидала. Возможно, потому что рядом стояло «психолог», а не «судьба».

За последнюю неделю она прочитала почти всё, что нашла о совместном родительстве вне романтических отношений, а потом перестала читать, потому что интернет делился на две большие группы. Первая считала любую семейную конструкцию, не помещающуюся на рождественскую открытку, доказательством общественного распада. Вторая описывала совместное родительство так, будто достаточно хорошей таблицы и уважительного общения, чтобы человеческая жизнь перестала быть человеческой.

Обе группы её утомили.

В понедельник пришла часть результатов из клиники. Ничего, что требовало бы срочного решения. Ничего, что позволяло бы расслабиться и сказать, что времени сколько угодно. Врач прислала короткое сообщение: после оставшихся анализов можно будет обсуждать конкретную стратегию.

Лера не рассказала об этом Матвею сразу.

Потом рассказала вечером того же дня и отдельно отметила про себя, что сделала это до того, как информация стала операционно необходимой.

Это было глупое достижение.

Но всё же достижение.

Дверь кабинета открылась.

Мари Норт оказалась младше, чем Лера представляла по

фотографии на сайте, — может быть, тридцать с небольшим. На ней были широкие чёрные брюки, тёмно-зелёная рубашка и серьги разной длины.

— Лера? Матвей?

Они встали одновременно.

— Проходите.

Третье кресло действительно было удобнее.

Лера почувствовала почти удовлетворение.

В кабинете не было ничего похожего на кабинет врача. Книжный шкаф, лампа, три кресла, небольшой стол, коробка бумажных салфеток, поставленная так ненавязчиво, что становилась заметнее любого медицинского оборудования.

Мари села напротив.

— Я прочитала ваше сообщение, — сказала она. — Но хочу сначала услышать формулировку от вас. Почему вы здесь?

Лера и Матвей посмотрели друг на друга.

— Пожалуйста, — сказал Матвей.

— Почему я?

— Потому что у тебя есть версия с пунктами.

— У меня нет версии с пунктами.

— Пока.

Мари улыбнулась, но ничего не сказала.

Лера поставила кофе на пол возле кресла.

— Я хочу ребёнка. Рассматривала самостоятельное материнство с донорским материалом. Рассматриваю до сих пор.

Матвей предложил другой вариант — чтобы мы стали родителями вместе, оставаясь друзьями и не создавая романтическую пару.

— Насколько это уже решение?

— Нисколько, — сказала Лера.

— Примерно ноль процентов, — одновременно сказал Матвей.

Лера повернула голову.

— Примерно?

— Ноль с допустимой погрешностью.

— Ноль не требует погрешности.

— Началось, — сказал он Мари.

— Я вижу.

Мари спросила:

— Вы всегда так разговариваете?

— К сожалению, — сказала Лера.

— К счастью, — сказал Матвей.

Это тоже было привычно. Настолько привычно, что Лера вдруг увидела их со стороны: двое взрослых людей сидят у семейного психолога и используют пятнадцать лет общей истории как короткие команды. Она знала, когда Матвей шутит потому, что ему легко, а когда — потому, что разговор становится слишком серьёзным. Сейчас определить было труднее.

— Хорошо, — сказала Мари. — Тогда я сразу обозначу одну вещь. Я не буду говорить вам, хорошая это идея или

плохая. И не буду оценивать, способна ли ваша модель существовать в принципе. Такие семьи существуют. Иногда хорошо. Иногда плохо. Как и семьи любого другого устройства. Меня больше интересует, почему именно вы двое думаете, что это может работать именно у вас.

Лера кивнула.

Это ей подходило.

— И ещё, — продолжила Мари. — Если вы будете все-рѐз двигаться дальше, вам понадобится не только психологическая консультация. Юрист. Врач. Возможно, финансовый специалист. И несколько очень неприятных разговоров друг с другом.

— Юрист у меня уже в списке, — сказала Лера.

Матвей тихо выдохнул через нос.

Она не посмотрела на него.

— А неприятные разговоры? — спросила Мари.

— Тоже.

— В списке?

Лера всё-таки посмотрела на Матвея.

— Не начинай.

— Я молчу.

— Ты умеешь молчать осуждающе.

— Это выражение лица. Я не могу его снять.

Мари подняла ладонь.

— Давайте проверим не список, а содержание. Почему не донор?

Вопрос был адресован Лере.

Она ожидала его.

— Донор остаётся вариантом. Я не считаю его плохим. Если бы Матвей ничего не предложил, я бы продолжила идти этим путём. Но если есть второй взрослый, которого я знаю пятнадцать лет, которому доверяю и который сам хочет быть отцом, мне кажется нечестным даже не рассмотреть это только потому, что мы не спим вместе.

Мари кивнула.

— Почему Матвей?

— Потому что я его знаю.

— Это характеристика длительности, а не качества.

Лера чуть улыбнулась.

— Он не жестокий. Не исчезает, когда становится неприятно. Не считает заботу женской работой. Умеет признавать, когда неправ, хотя обычно после неприятно долгого периода подготовки. Хорош с детьми. Не пытается производить впечатление человека лучше, чем есть.

— Последнее сомнительный комплимент, — сказал Матвей.

— Я ещё не закончила.

— Тогда боюсь продолжения.

— Он умеет быть рядом без необходимости постоянно что-то исправлять. И я доверила бы ему ребёнка.

Последняя фраза прозвучала громче остальных, хотя Лера не повысила голос.

Мари перевела взгляд на Матвея.

— А вы? Почему Лера?

Лера взяла кофе. Ей хотелось посмотреть в стакан, но это показалось слишком очевидным, поэтому она смотрела на Мари.

Матвей отвечал спокойно:

— По тем же причинам, только она значительно лучше планирует.

— Это всё?

— Нет. Лера делает то, что обещает. Даже если потом выясняется, что обещать было глупо. Она не использует близость как право контролировать человека. Она умеет принимать сложные решения и не любит театральных жестов. И если ей страшно, она обычно становится более организованной, а не менее.

— Это сейчас было хорошее или плохое?

— Факт.

Лера узнала собственное слово и поморщилась.

Мари заметила.

— Вы хорошо знаете сильные стороны друг друга. А слабые?

— Да, — сказали оба одновременно.

На этот раз Мари рассмеялась.

— Отлично. Лера?

Она перечислила не сразу.

— Матвей недооценивает, сколько невидимой работы со-

здаёт его гибкость.

— Хорошо началось, — сказал он.

— Ты просил честно.

— Не я. Она.

— Ещё хуже. Он действительно делает многое. Но иногда считает, что если собирается сделать что-то позже, то это почти то же самое, что сделать вовремя.

Матвей перестал улыбаться, но не перебил.

Лера продолжила:

— Он хорошо работает в кризисе. Поэтому не всегда считает нужным предотвращать кризис, если уверен, что потом справится.

Мари записала что-то в блокноте.

— Это может касаться ребёнка?

— Конечно.

— Пример?

Лера подумала.

— В два часа ночи у ребёнка температура. Матвей прекрасно разберётся. Позвонит врачу, найдёт дежурную аптеку, будет сидеть до утра. Но плановую прививку, которую нужно было записать месяц назад, может вспомнить за два дня.

— Я ещё не пропустил ни одной прививки нашего несуществующего ребёнка, — сказал Матвей.

— Выдающееся достижение.

— Спасибо.

Мари повернулась к нему.

— Теперь Лера.

— Она делает план так быстро, что иногда у других людей не остаётся времени понять, хотят ли они участвовать в этом плане.

Лера почувствовала, как спина сама стала прямее.

Матвей продолжил:

— И если ты делаешь что-то не так, как сделала бы она, Лера очень старается не говорить, что это неправильно.

— Потому что иногда это просто неправильно.

— Вот.

— «Не так» и «неправильно» — разные категории.

— Я знаю. Ты заведёшь для них разные столбцы.

— Если понадобится.

Мари снова подняла руку.

— Хорошо. Вот это уже полезнее.

Лера не была уверена, что разделяет оценку.

— Я дам вам упражнение, — сказала Мари. — Не тест. И не способ определить, подходите ли вы друг другу как родители. До следующей встречи каждый отдельно напишет, чего ожидает от второго человека, если вы решите двигаться дальше.

— В каком формате? — спросила Лера.

Матвей откинул голову на спинку кресла.

Мари посмотрела на него.

— Вы знали, что она спросит?

— Я мог поставить деньги.

— В любом. Но попробуйте не составлять договор. Именно ожидания. Что, по-вашему, второй будет делать? Что он обязан делать? Что вы надеетесь, что он будет делать? И что вы не имеете права от него требовать.

Лера достала телефон и записала.

— Ещё, — сказала Мари. — Напишите то, чего вы боитесь.

— Отдельно?

— Да.

— От ожиданий?

— Желательно.

Матвей посмотрел на её экран.

— Она сейчас создаст папку.

— Уже.

— Конечно.

Вторая половина консультации была хуже.

Не драматически. Просто вопросы становились менее удобными.

Если один из них встретит человека и захочет жить с ним?

Если Матвею предложат проект на три месяца в другой стране?

Если Лера после рождения ребёнка решит, что не доверяет ему оставаться с младенцем на ночь?

Если один будет зарабатывать вдвое больше?

Если один захочет второго ребёнка, а другой нет?

Если их дружба закончится?

На последний вопрос Лера ответила слишком быстро:

— Мы всё равно останемся родителями.

— Я спросила не о ребёнке, — сказала Мари. — Я спросила о вашей дружбе.

Лера посмотрела на свои руки.

Сам вопрос казался почти суеверным. За пятнадцать лет они с Матвеем иногда не разговаривали неделю, один раз — почти месяц после особенно мерзкой ссоры на четвёртом курсе, когда оба уже забыли её исходную причину, но ещё помнили, что сердятся. Они пережили людей, которые приходили и уходили. Города. Работы. Его период увлечения бегом. Её период, когда она считала, что может самостоятельно покрасить всю квартиру за выходные.

Дружба была не вечной потому, что они однажды пообещали её сохранить.

Она просто до сих пор сохранялась.

— Я не знаю, — сказала Лера.

Матвей не пошутил.

Мари кивнула.

— Хороший ответ.

Лера терпеть не могла, когда незнание называли хорошим ответом.

После консультации они вышли на улицу в семь двадцать.

Дождя не было, но воздух пах мокрым камнем. Лера застегнула плащ и посмотрела на телефон.

— Ты куда?

— Домой. А ты?

— Поесть.

— Ты не ел до консультации?

— Я ел.

— Тогда зачем?

— Потому что прошло два часа.

— Невероятно сложный организм.

— Тебе тоже надо есть.

Она хотела сказать, что дома есть суп, но вспомнила: суп был позавчера. В холодильнике оставались яйца, сыр и огурец, существовавший уже скорее из принципа.

— Ладно.

Они зашли в маленькую пекарню на углу, где вечером продавали суп, сэндвичи и вчерашнюю выпечку со скидкой. Матвей взял два сэндвича. Лера — чечевичный суп.

— Ты уже начал список? — спросил он.

— Нет.

— Удивительно.

— Прошло девять минут.

— Для тебя много.

— А ты?

— Я собираюсь подумать.

— Это не формат выполнения задания.

— Видишь? Мы ещё даже не начали, а ты уже проверяешь процесс.

Лера положила ложку.

— Я не проверяю процесс. Я спрашиваю, собираешься ли ты вообще его сделать.

Матвей поднял глаза.

— Собираюсь.

— К следующему четвергу?

— Да.

— Хорошо.

— И ты сейчас действительно не слышишь, как это звучит?

Она посмотрела на него.

— Как?

— Как будто ты уже менеджер проекта, а я подрядчик, у которого срок.

— У нас буквально есть задание со сроком.

— Лера.

— Что?

Он покрутил бумажный стакан воды между ладонями.

— Ничего.

Это «ничего» было не тем, которое означало ничего.

Но она не стала вытаскивать из него продолжение в пепел.

Через шесть дней у неё было три страницы.

Не договор.

Она специально написала это сверху: «НЕ ДОГОВОР».

Под заголовком шли четыре раздела: обязательное, жела-

тельное, недопустимое, неизвестное.

Лера несколько раз меняла формулировки. Удалила «равное участие», потому что сама не могла определить, что именно будет значить равное участие во время беременности. Заменяла на «сопоставимая ответственность после рождения» и тут же разозлилась на собственную канцелярщину.

Написала проще.

«Я не хочу, чтобы Матвей был помощником».

Эта строчка осталась.

Ещё она написала:

«Я ожидаю, что работа обоих будет считаться работой».

«Я ожидаю, что решения о ребёнке не будут автоматически считаться моими только потому, что я мать».

«Я не ожидаю, что Матвей будет принимать решения о моей беременности как о своей».

«Я боюсь оказаться человеком, который знает всё: размер одежды, врача, расписание, список покупок, а второй родитель просто спрашивает, что сделать».

Последнее она долго хотела удалить.

Не удалила.

В среду вечером Матвей пришёл к ней после работы.

Следующая встреча с Мари была назначена только через две недели: у неё не оказалось свободного окна раньше. Они решили не ждать.

На столе стояла пицца, которую Матвей принёс по дороге, и две распечатки.

У Леры — три страницы.

У Матвея — одна.

Она посмотрела на его лист.

— Это всё?

— Ты ещё не читала.

— Я вижу объём.

— Количество страниц — не единица качества.

— Ты сказал, что сделаешь.

— Я сделал.

Он подвинул лист.

На нём было восемь пунктов.

Не восемь разделов.

Восемь пунктов.

1. Не исчезать.

2. Не врать друг другу о проблемах.

3. Деньги и время обсуждать заранее, когда возможно.

4. Не использовать ребёнка в наших конфликтах.

5. Не считать личную жизнь другого нарушением договорённости.

6. Не соревноваться, кто лучший родитель.

7. Если что-то не работает — менять.

8. Не оставлять одного человека разбираться со всем только потому, что второй занят.

Внизу от руки было дописано:

«Остальное будем решать по обстоятельствам».

Лера прочитала два раза.

Пункты были хорошие.

Это раздражало сильнее.

— Что? — спросил Матвей.

— Ничего.

— У тебя сейчас лицо человека, который нашёл нарушение строительных норм.

— Я пытаюсь понять.

— Что именно?

— Где всё остальное.

— Что всё?

— Практическая часть.

— Это ожидания. Мари сказала не писать договор.

— Я тоже не писала договор.

Матвей посмотрел на её три страницы.

— Конечно.

— Не начинай.

— Я не начал.

— У тебя здесь нет жилья. Нет графика. Нет болезни. Нет отпуска. Нет того, что происходит, если у одного работа до десяти вечера. Нет того, кто остаётся дома, если ребёнок заболел. Нет того, как мы принимаем медицинские решения. Нет даже того, что значит «время обсуждать заранее, когда возможно».

— Потому что я этого пока не знаю.

— Вот именно.

— Нет, не именно.

Матвей отложил кусок пиццы.

— Мы говорим о человеке, которого ещё нет. Мы не знаем, будет ли беременность. Не знаем, когда. Не знаем, каким будет ребёнок. Не знаем, где будем работать через три года. Как я сейчас должен честно написать, кто остаётся дома во вторник, когда ему четыре и у него температура?

— Не во вторник. Принцип.

— Хорошо. Принцип: кто может, тот и остаётся.

— А если оба могут, но одному неудобнее?

— Обсудим.

— А если оба считают, что второму удобнее?

— Обсудим громче.

Лера не улыбнулась.

Матвей тоже.

— Вот это меня и пугает, — сказала она.

— Что?

— Что для тебя «обсудим» иногда означает «решим проблему, когда она уже случится».

Он откинулся на стуле.

— А для тебя «подготовимся» иногда означает «примем решение за людей, которыми мы будем через пять лет».

— Я не пытаюсь решить всё сейчас.

— Ты только что спросила, кто останется дома с температурой у четырёхлетнего ребёнка, которого ещё нет.

— Потому что это не фантастика. Дети болеют.

— Я знаю.

— Откуда?

— Лера.

— Нет, правда. Ты говоришь «знаю», как будто знание факта автоматически создаёт систему.

— А ты говоришь «система», как будто она автоматически создаёт хорошее решение.

Они замолчали.

Из открытого окна доносился шум улицы. Где-то во дворе кто-то несколько раз хлопнул дверцей машины.

Лера чувствовала знакомое желание перейти к точным формулировкам, определить предмет спора, убрать лишнее. Обычно это работало.

Сейчас предмет спора был неприятно простым.

Она не доверяла «разберёмся».

Матвей не доверял будущему, написанному заранее.

И оба имели основания.

— Хорошо, — сказала Лера. — Давай без примеров. Что ты считаешь обязательством?

Матвей ответил не сразу.

— То, что нельзя отменить просто потому, что тебе стало неудобно.

— Уже лучше.

— Не оценивай.

— Прости.

Он посмотрел на неё, проверяя, не издевается ли она.

Лера не издевалась.

— А ты? — спросил он.

Она подумала.

— То, последствия невыполнения чего автоматически ложатся на другого человека.

— Мрачно.

— Зато практично.

— И если я опоздал на двадцать минут, последствия ложатся на тебя.

— Да.

— Значит, это обязательство того же класса, что приехать в больницу?

— Нет. Есть масштаб последствий.

— То есть столбцы всё-таки будут.

На этот раз она улыбнулась.

Совсем немного.

— Возможно.

Матвей снова взял пиццу.

— Хорошо. Тогда вот что я могу обещать сейчас. Я не хочу быть человеком, которого надо просить участвовать. И не хочу, чтобы ты по умолчанию знала всё, а я был исполнителем. Но я не напишу расписание жизни на восемь лет.

— Я тоже не хочу расписание на восемь лет.

— Ты способна сделать его к пятнице.

— Это не значит, что я хочу.

— Важное различие.

— Матвей.

— Всё, молчу.

Лера посмотрела на его лист ещё раз.

Восемь пунктов перестали казаться ленью. Не полностью. Но достаточно, чтобы она увидела другое: он не отказывался от конкретики. Он сопротивлялся ложной конкретности.

Она всё ещё считала, что без гораздо более подробного разговора они не имеют права идти дальше.

Но, возможно, подробность и предопределённость действительно были разными вещами.

— Давай сделаем две колонки, — сказала она.

Матвей закрыл глаза.

— Я знал.

— Послушай сначала. «Нужно решить до беременности» и «можно решать по мере жизни».

Он открыл глаза.

— И третью.

— Какую?

— «Мы пока не знаем, к какой колонке это относится».

Лера подумала.

— Хорошо.

— Ты сейчас согласилась на неизвестность?

— Не привыкай.

Матвей протянул руку за ручкой.

— Давай свои три страницы.

Она подвинула их к середине стола.

Ни один из них не извинился за ссору.

В этом не было необходимости. Они не собирались делать вид, что разногласие исчезло.

Следующий час они спорили о пунктах.

Переезд — решить принцип заранее.

Конкретный район — потом.

Фамилия — до беременности или хотя бы до рождения.

Любимые хлопья — Матвей вписал в третью колонку, после чего Лера вычеркнула.

Новые партнёры — принцип заранее, люди потом.

Деньги — обязательно заранее, цифры пересматривать.

Школа — явно позже.

Экстренная медицина — заранее.

Какая музыка допустима в машине с ребёнком — Лера молча вычеркнула второй раз.

К десяти вечера на столе лежало пять исписанных листов.

Это всё ещё не было договором.

Но уже перестало быть идеей, которую можно было сохранить красивой только потому, что её никто не проверял.

Когда Матвей собирался уходить, он задержался у двери.

— Ты всё ещё думаешь, что это может быть плохой идеей?

Лера посмотрела на листы на столе.

— Да.

Он кивнул.

— Я тоже.

— Хорошо.

— Очень вдохновляюще.

— Зато честно.

Матвей надел куртку.

— Юрист у тебя когда?

Лера посмотрела на него.

— Я ещё не записывалась.

— Удивительно.

— Завтра позвоню.

— Вот теперь я снова узнаю мир.

Она закрыла за ним дверь.

Вернувшись на кухню, Лера собрала листы в одну стопку.

Сверху лежала страница Матвея с восемью пунктами и припиской про обстоятельства.

Она взяла ручку и рядом с этой фразой написала:

«Какие именно?»

Потом подумала и добавила ниже:

«Не обязательно знать сейчас».

На секунду ей захотелось зачеркнуть вторую строчку.

Она не зачеркнула.

ГЛАВА 4

Матвей

22 января, год 0

К январю папка Леры перестала закрываться.

Матвей заметил это в приёмной юриста, когда она положила её на колени и резинка, которая должна была удерживать бумаги, соскользнула с угла и ударила по пластиковому стаканчику с водой.

— Это знак, — сказал он.

— Это дешёвая папка.

— Ты всегда так говоришь, когда знак тебе не нравится.

Лера поймала резинку и обмотала её вокруг папки дважды.

За окном шёл мокрый снег. Вельден выглядел так, будто его весь день пытались стереть грязной губкой. Было двадцать второе января — больше четырёх месяцев с первого разговора в ресторане и почти четыре месяца с первой консультации у Мари Норт. За это время у Матвея появилось ощущение, что они успели обсудить всё, кроме того, что каждый новый разговор немедленно создавал ещё три темы.

В папке лежали распечатки медицинских результатов Леры, две версии бюджета, список из сорока семи вопросов к юристу, заметки после второй встречи с Мари, таблица возможных графиков работы и лист с заголовком «НЕ ОБЯЗА-

ТЕЛЬНО ЗНАТЬ СЕЙЧАС», который Матвей считал своим главным вкладом в развитие проекта.

Лера считала иначе.

Дверь кабинета открылась.

— Валерия Марина и Матвей Корин?

Юриста звали Элин Восс. Ей было около пятидесяти, она носила короткую седую стрижку и не проявила никакого видимого удивления, когда на первой телефонной консультации Лера за семь минут объяснила устройство семьи, которой пока не существовало.

Сейчас Элин пригласила их внутрь, села за стол и посмотрела на папку.

— Вижу, вы подготовились.

— Она подготовилась, — сказал Матвей. — Я морально присутствовал.

Лера повернула к нему голову.

— Ты прислал шестнадцать правок вчера в два часа ночи.

— Моральное присутствие бывает активным.

Элин открыла блокнот.

— Хорошо. Тогда начнём с неприятного.

Матвей невольно выпрямился.

— Вы юрист. Это звучит как обещание.

— Если у вас появится ребёнок, вы оба будете его юридическими родителями после оформления признания отцовства и совместной родительской ответственности. Ваши личные договорённости могут быть полезны. Некоторые их ча-

сти можно оформить юридически. Но документ между вами не сможет отменить права ребёнка и не заставит суд через семь лет считать хорошим то, что вы решили сегодня.

Лера кивнула и записала.

Матвей не записал. Эта фраза ему понравилась именно тем, что разрушала фантазию о контракте как о страховке от будущего.

— То есть если мы напишем «пятьдесят на пятьдесят», это не становится законом природы? — спросил он.

— К счастью, нет.

— Мне нравится ваш подход.

— Подождите до раздела о смерти.

Лера перестала писать.

Элин листнула свои заметки.

Они начали с простого: медицинская информация, экстренные решения, доступ к врачам. Если ребёнок находится с одним из родителей и требуется срочная помощь, присутствующий родитель принимает решение, второй уведомляется при первой разумной возможности. Плановые медицинские решения — совместно.

— «Первая разумная возможность» лучше, чем «немедленно»? — спросила Лера.

— Если один из вас едет в скорой вместе с ребёнком, я бы предпочла, чтобы он занимался ребёнком, а не соблюдением договорного срока отправки сообщения.

Матвей посмотрел на Леру.

— Запиши, пожалуйста, что юрист официально разрешила не отвечать тебе сразу.

— В экстренной ситуации.

— Я слышал первую часть.

Лера не улыбнулась, но уголок её рта дёрнулся.

Потом перешли к жилью.

Отдельные квартиры сами по себе юридической проблемой не были. Проблемой становилось всё, что меняло бы реальную возможность второго родителя участвовать в жизни ребёнка: переезд в другой город, слишком дальняя школа, длительное отсутствие без согласованного плана.

Матвей слушал внимательнее, чем ожидал от себя.

До осени слово «переезд» означало для него коробки, грузовик и вопрос, влезет ли книжный шкаф в новую комнату. Теперь оно превращалось в действие, для которого в его жизни потенциально мог понадобиться голос другого человека.

Элин сказала:

— Вам стоит определить принцип сейчас. Не конкретный радиус в километрах. Принцип.

Лера посмотрела на Матвея.

— Без согласия другого родителя постоянный город ребёнка не меняется.

Он помолчал.

Это было разумно. Именно поэтому согласиться оказалось неприятнее, чем он ожидал.

— Да, — сказал он.

Лера записала.

Следующим оказался раздел о новых партнёрах.

Элин подняла глаза от бумаги.

— Здесь люди обычно начинают писать правила, которые пытаются контролировать личную жизнь другого взрослого.

— Мы не хотим, — сказала Лера.

— Отлично. Тогда не пишите.

Матвей усмехнулся.

— Эта консультация становится всё дешевле.

Они заранее согласились, что никто не получает права одобрять или запрещать отношения другого. Но всё становилось менее ясным, когда появлялся ребёнок.

Когда знакомить?

Нужно ли сообщать о совместном проживании заранее?

Может ли новый партнёр забирать ребёнка из сада?

Имеет ли право принимать бытовые решения?

Лера предложила формулировку: «После того как отношения приобрели устойчивый характер».

— Что юридически означает «устойчивый»? — спросил Матвей.

Элин пожала плечами.

— Ничего.

— Прекрасно.

— Зато вы оба понимаете, что это означает для вас?

Матвей посмотрел на Леру.

— Не через две недели.

— И не после первого совместного отпуска только потому, что отпуск был длинным.

— А если очень хороший отпуск?

— Матвей.

— Проверяю критерии.

В итоге точного срока они не написали. Новый партнёр не становился родителем автоматически, не получал права вытеснять второго родителя и не требовал согласия на само своё существование. О совместном проживании следовало сообщить заранее, потому что оно меняло среду ребёнка.

Элин сказала:

— Старайтесь различать уведомление и разрешение.

Матвей отметил эту фразу в телефоне.

Лера заметила.

— Ты записываешь?

— Я развиваюсь.

— Хочу копию для архива.

— Уже всё испортила.

Потом Элин действительно открыла раздел о смерти.

В кабинете стало тише, хотя никто не просил.

Если один из них умирал, второй оставался родителем. Их соглашение не должно было создавать впечатление, будто бабушки, дедушки или будущие партнёры автоматически получают равные права. Если оба умирали, понадобились бы отдельные завещательные распоряжения и указание же-

лательных опекунов — не гарантия, но важный ориентир.

— Нам нужно решить, кто будет растить человека, которого пока нет, если мы оба умрём? — спросил Матвей.

— Не сегодня, — сказала Элин. — Но до рождения ребёнка — желательно.

Лера сделала пометку.

Матвей посмотрел на неё.

— Если ты сейчас создашь вкладку «оба умерли», я уйду.

— Уже есть раздел «экстренные сценарии».

— Конечно есть.

Элин впервые рассмеялась.

Через час они вышли на улицу с черновиком, который стал одновременно короче и серьёзнее.

Матвей натянул перчатки.

— Знаешь, что мне особенно понравилось?

— Что суд не обязан уважать твоё мнение через семь лет?

— Что мы потратили деньги на профессионала, чтобы она сказала нам: будущее непредсказуемо.

— Она сказала не только это.

— Да. Ещё что мы можем умереть.

Лера остановилась у перехода.

— Тебе тяжело было про это говорить?

Он хотел ответить шуткой. Уже придумал две.

Но вопрос был слишком прямым, а они слишком давно договорились искать не удобные ответы.

— Да.

Лера кивнула.

— Мне тоже.

Загорелся зелёный.

Они перешли улицу и следующие десять минут спорили о том, считать ли суп полноценным обедом, если его едят стоя возле вокзала.

* * *

Неделей позже финансовый консультант попросил Матвея показать доходы за последние двенадцать месяцев.

Матвей открыл таблицу.

Консультант, Реми Тааль, посмотрел на неё, потом на Матвея.

— У вас очень... сезонная жизнь.

— Это дипломатичная версия.

У Леры линия дохода выглядела почти прилично: зарплата, премия, ещё одна премия, повышение ставки с нового финансового года. У Матвея — несколько месяцев, похожих на финансовое благополучие, два месяца почти без поступлений и один квартал, в котором крупный документальный сериал сделал его на бумаге человеком, способным принимать серьёзные решения.

— Среднегодовой доход нормальный, — сказал Реми. — Проблема не в сумме. Проблема в ритме.

Матвей знал это и без него. Но услышать вслух было полезно.

Лера сидела рядом и ничего не добавляла.

Это тоже было полезно.

Они обсуждали декрет Леры, её возможное временное снижение дохода, периоды, когда Матвей может остаться между проектами, детский сад, медицинские расходы, два набора базовых вещей, поездки, страховки, непредвиденные траты.

Реми предложил три модели.

Ровные доли.

Пропорционально доходам.

Смешанная система: базовый фиксированный взнос плюс пропорциональные крупные расходы.

Матвей ожидал, что Лера выберет пропорциональную. Она зарабатывала стабильнее и немного больше. Вместо этого она сказала:

— Я хочу начать с равных долей.

Он повернулся к ней.

— Почему?

— Потому что если мы оба говорим, что это равное родительство, мне не нравится начинать с того, что твоя доля зависит от моей зарплаты.

— Моя доля может зависеть от моей зарплаты.

— Может. Но пока разница не настолько большая.

Реми спросил:

— А если станет большой?

Лера ответила сразу:

— Пересмотрим.

Матвей усмехнулся.

— Я слышал это слово. Кажется, мы становимся взрослыми.

— Не торопись.

Они решили: основные расходы — поровну. Всё дороже трёхсот евро — заранее обсуждать. Обычные бытовые траты в свой период ухода не превращать в систему взаимных счетов. Раз в год пересматривать бюджет.

Реми настоял ещё на одном: резерв.

Не отдельный «фонд ребёнка» прямо сейчас, пока ребёнка нет, а понимание, что до начала медицинской части и тем более до рождения у каждого должен быть запас, который позволит пережить несколько месяцев снижения дохода без немедленного торга о том, кто кому должен.

У Леры такой запас уже был.

У Матвея — формально тоже. Если не учитывать, что часть денег он мысленно распределил на новую камеру, поездку летом и замену холодильника, который к январю перестал звучать как мотоцикл и начал звучать как человек, принимающий плохое решение.

Вечером он отменил заказ камеры.

Никому не сообщил.

Даже Лере.

Не потому, что хотел совершить красивую жертву. Камера была не нужна ему для работы прямо сейчас. Просто ещё осенью он мог потратить эти деньги, потому что последствия

касались только его будущего счёта.

Теперь у него появилось будущее, в котором деньги уже имели другого потенциального адресата.

Это было странно.

И совсем не торжественно.

* * *

В первое воскресенье февраля они ужинали у родителей Леры.

Галина приготовила слишком много еды, что Матвей считал её устойчивой формой реакции на любой семейный кризис.

Виктор сначала говорил о новой развязке на западной окраине и только после второго блюда спросил:

— То есть жить вместе вы не собираетесь?

— Нет, — сказала Лера.

— А почему?

— Потому что мы не пара.

— Я это понял. Я спрашиваю практически.

Матвей поставил вилку.

Вот это уже был вопрос Виктора.

Лера объяснила про две квартиры, будущую схему проживания, желание обоим иметь полноценный дом для ребёнка.

Галина слушала, поджимая губы.

— Два дома — это красиво звучит, пока ребёнка не надо утром вести в сад с температурой.

— С температурой в сад его вести не надо, — сказал Мат-

вей.

Галина посмотрела на него.

— Спасибо, Матвей.

— Всегда пожалуйста.

Лера бросила на него короткий взгляд, означавший примерно семь разных вещей, большинство из которых советовало ему замолчать.

Галина продолжила:

— Я не говорю, что вы плохие люди. Я говорю, что Лера очень хорошо умеет брать на себя больше, чем собиралась.

Матвей не ответил сразу.

Эта фраза была не про устройство семьи. Она была про Леру.

И поэтому спорить с ней было сложнее.

— Именно поэтому мы всё это обсуждаем сейчас, — сказал он.

— Вы думаете, разговоры гарантируют, что она не будет делать больше?

— Нет.

Галина явно ожидала другого ответа.

Матвей продолжил:

— Но если мы заранее не договоримся хотя бы о базовых вещах, вероятность будет выше.

Лера не вмешивалась.

Виктор спросил:

— А если вы поссоритесь?

— Тогда всё равно останемся родителями, — сказал Матвей.

— Я не про то, что написано. Я про то, что люди делают. Матвей посмотрел на него.

За последние месяцы этот вопрос задавали разными словами Мари, Элин, Реми, Борис и они сами.

Ответа, который превращал бы риск в ноль, не существовало.

— Тогда нам придётся делать то, что делают другие родители после ссоры, — сказал он. — Вставать утром и продолжать.

Галина тихо выдохнула.

— Я просто не понимаю, зачем заранее усложнять.

Лера сказала:

— Потому что вариант, который для тебя выглядит проще, для меня не существует автоматически.

На этом они остановились.

Через пять минут Виктор показывал Матвею фотографию трещины в стене гаража, а Галина спрашивала, хочет ли кто-нибудь ещё картошки.

Так Матвею понравилось больше всего.

Никто не был убеждён.

Никто не ушёл.

В следующие несколько дней они добивали пункты, которые по отдельности казались мелкими, а вместе почему-то занимали больше времени, чем разговор о смерти.

Фамилия оказалась одним из них.

— Марин-Корин звучит как человек, который продаёт яхты, — сказал Матвей.

— Корин-Марин звучит как средство от насморка.

— Отлично. Значит, оба варианта одинаково достойны.

Они попробовали произнести полные имена с несколькими нейтральными детскими именами, сразу почувствовали себя людьми, слишком далеко зашедшими в симуляции, и прекратили. В итоге выбрали Корин-Марин просто потому, что так меньше спотыкались языком. Лера отдельно записала, что если будущий ребёнок однажды захочет пользоваться одной фамилией в быту, это не следует воспринимать как политическое заявление против второго родителя.

— Это ты сейчас для себя пишешь или для меня? — спросил Матвей.

— Для нас обоих.

Религия заняла семь минут. Оба были нерелигиозны, но договорились не изображать из этого семейную идеологию: ребёнок сможет ходить с бабушкой в храм на Рождество, интересоваться чужими традициями и позже выбирать собственное отношение к вере.

Праздники заняли полтора часа.

— Почему Рождество сложнее религии? — спросил Матвей.

— Потому что религия не требует решить, у чьей матери мы едим двадцать пятого.

— Сильный аргумент в пользу атеизма.

Они отказались от попытки расписать каждый праздник навсегда. Большие даты — чередовать или отмечать вместе, если обоим удобно. День рождения ребёнка не обязан математически делиться между домами. Отпуск планировать заранее, но не превращать каждый летний месяц в переговоры международной комиссии.

Матвей поймал себя на том, что впервые защищает конкнетику там, где осенью предпочёл бы написать «решим потом». Если у обоих окажется работа на одну и ту же неделю, одной доброй воли будет недостаточно. Кто-то должен заранее знать, на что может рассчитывать.

Это открытие раздражало своей очевидностью.

Он не сообщил о нём Лере. Некоторые этапы личностного роста не нуждались в свидетелях.

* * *

Шестого февраля у Леры на кухонном столе лежало двенадцать страниц.

Сорок два пункта.

Версия называлась просто: «Правила».

Матвей считал название слегка угрожающим, но за четыре месяца научился выбирать битвы.

Они прошли документ ещё раз.

Решения принимаются вместе.

Оба родителя имеют равный статус.

Медицинские решения — совместно, кроме экстренных

ситуаций.

Расходы — поровну с ежегодным пересмотром.

У ребёнка два дома.

Никто не меняет постоянный город проживания ребёнка без согласия другого.

Новые партнёры не меняют родительских прав и обязательств.

Ребёнка нельзя использовать для передачи сообщений.

Мнение ребёнка учитывается по возрасту.

При серьёзном конфликте — нейтральный посредник до суда.

Непредвиденные обстоятельства обсуждаются отдельно.

— Это мой любимый пункт, — сказал Матвей.

— Потому что он ничего не говорит.

— Потому что он признаёт реальность.

Лера перевернула страницу.

— Пункт тридцать три. «Каждый родитель обязан иметь возможность самостоятельно путешествовать без ребёнка».

— Оставляем.

— Я не предлагала убрать.

— Просто поддерживаю демократию.

Они дошли до сорок первого: пересмотр минимум раз в год.

Потом до сорок второго.

Матвей взял ручку.

— И что теперь?

— Теперь подписываем личную часть. Юридические заявления будем оформлять по мере необходимости. Завещательные документы — отдельно.

— Я знаю. Я спрашиваю не технически.

Лера посмотрела на него.

За окном было темно. На подоконнике стоял горшок с базиликом, который явно не переживал зиму, но Лера продолжала поливать его из принципа. На холодильнике висел магнит с выставки восьмилетней давности. На столе между ними лежал документ о человеке, которого пока не существовало.

За четыре с лишним месяца они сходили к психологу, врачу, юристу, финансовому консультанту. Рассказали родителям. Посчитали деньги. Обсудили болезни, смерть, чужую любовь, работу, города, отпуск, школу, религию и право будущего ребёнка однажды считать их планы неудобными.

Матвей всё ещё мог назвать двадцать причин, почему идея могла не сработать.

Это больше не казалось аргументом против неё.

— Я спрашиваю, — сказал он, — мы всё ещё рассматриваем вариант или мы решили?

Лера не ответила сразу.

Матвей не пытался угадать её мысли. Он смотрел, как она провела большим пальцем по краю страницы.

Потом она сказала:

— Я решила.

Он кивнул.

Странно, но внутри не произошло ничего кинематографического.

Никакого прилива музыки.

Никакого ощущения, что вся жизнь перестроилась за одну секунду.

Только необходимость ответить честно.

— Я тоже.

Лера протянула ему ручку.

— Тогда подпиши.

— Это та самая дешёвая ручка из клиники?

— Нет.

— Хорошо. Я не хотел начинать отцовство с канцелярской зависимости от медицины.

— Ты ещё не начал отцовство.

— Видишь? Уже поправляешь формулировки.

Он подписал.

Лера подписала следом и поставила дату.

Шестое февраля.

Матвей посмотрел на две подписи.

— Теперь ты сделаешь три копии?

— Две бумажные и электронную.

— Я знал.

— Тебе одну или две?

— Одну. Я не настолько взрослый.

Лера сложила страницы обратно в папку.

На этот раз резинка закрылась без сопротивления.

— В клинику записалась? — спросил Матвей.

— На начало марта. С врачом обсудим конкретную схему.

— Хорошо.

Он встал, надел куртку и дошёл до прихожей.

Потом вернулся на кухню.

— Что?

Матвей взял со стола свою копию Правил.

— Забыл ребёнка.

Лера посмотрела на двенадцать страниц в его руке.

— Очень смешно.

— Пока это максимально близкая доступная форма.

Он сунул документ в рюкзак.

На улице мороз наконец вытеснил мокрый снег. Воздух был сухим, тротуар блестел под фонарями.

Матвей шёл к трамваю и чувствовал в рюкзаке двенадцать страниц бумаги тяжелее, чем они должны были весить.

В календаре у него уже стояло событие на начало марта.

Клиника.

Раньше большинство важных вещей в его жизни начиналось со слова «возможно».

У этой впервые стояла дата.

ГЛАВА 5

Лера

4 марта, год 0

В кабинете репродуктолога всё осталось почти таким же, как в сентябре: светлые стены, стеклянный графин с водой, два кресла для тех, кто пришёл не один.

Изменилось только то, что теперь второе кресло было занято.

Матвей сидел в нём, положив на колени папку с результатами анализов. Папку Лера дала ему у входа пять минут назад, потому что сама держала сумку, пальто и стакан кофе, который уже успела перестать хотеть.

— Вы можете положить это на стол, — сказала врач.

Матвей посмотрел на папку.

— Мне сказали отвечать за неё.

— Я сказала поддержать.

— Это и есть ранняя стадия ответственности.

Врач улыбнулась и повернула монитор к Лере.

Лера помнила её с первой консультации: те же короткие тёмные волосы, тот же способ говорить о вероятностях без интонации продавца и о рисках — без интонации человека, который получает удовольствие от плохих новостей.

— По обследованиям у нас нет причины сразу переходить к более сложным методам, — сказала она. — У вас регу-

лярный цикл, резерв для вашего возраста приемлемый. У Матвея показатели тоже в пределах нормы. Можно начать с внутриматочной инсеминации. Я бы предложила сначала естественный цикл с мониторингом овуляции. Если понадобится, дальше обсудим мягкую стимуляцию.

Лера кивнула.

Она знала все эти слова. За последние недели она читала достаточно, чтобы различать протоколы, но недостаточно, чтобы перестать замечать, как быстро язык медицины превращает будущее в последовательность действий.

День цикла.

УЗИ.

Анализ.

Окно.

Процедура.

Ожидание.

Результат.

На бумаге всё выглядело почти успокаивающе.

— А если первая попытка не сработает? — спросил Матвей.

— Это не будет означать, что что-то пошло не так. Даже при хороших исходных данных вероятность беременности в одном цикле ограничена. Мы оцениваем несколько попыток, а не одну как экзамен.

— Сколько именно?

Врач назвала диапазон и объяснила, когда имеет смысл

менять тактику.

Матвей задавал вопросы правильно. Не слишком много. Не те, ответы на которые они могли прочесть на сайте. Лера слушала его вполуха и смотрела на схему на экране.

Она вдруг вспомнила файл «вариант_3».

Таблица всё ещё лежала на её ноутбуке. Она несколько раз переименовывала вкладки, добавила медицинские расходы, убрала строку про донорский материал, создала отдельную колонку для расходов Матвея. Файл теперь назывался «ребёнок_финансы».

Это казалось продвижением.

И одновременно — совершенно недостаточным описанием происходящего.

— Есть ещё один момент, — сказала врач. — Медицинские решения, связанные с вашим телом, принимаете вы. Конечно, вы можете обсуждать их вместе. Но если в какой-то момент вы захотите остановиться, изменить схему или сделать паузу, мне нужно услышать это от вас.

Она смотрела на Леру.

Матвей не шевельнулся.

— Я понимаю, — сказала Лера.

На двенадцати страницах Правил было написано: плановые медицинские решения о ребёнке принимаются совместно.

Будущем ребёнке.

О её организме там не было ничего.

И правильно, подумала Лера.

* * *

Первый цикл оказался в основном календарём.

Лера ожидала, что после принятия решения всё станет более драматичным. Вместо этого появились напоминания в телефоне.

07:40 — клиника.

09:30 — совещание по библиотеке.

13:00 — рабочая группа.

18:15 — забрать чертежи у печатников.

На шестой день она приехала на УЗИ до работы, потом сорок минут стояла в пробке и проводила видеозвонок с Миной из такси, стараясь держать телефон так, чтобы коллега не видела вывеску клиники за окном.

На десятый день врач сказала приехать снова.

На двенадцатый — ещё раз.

— У вас очень занятый фолликул, — сказал Матвей, когда она сообщила ему третье время приёма.

— Он хотя бы приходит вовремя.

— Я почувствовал выпад в мою сторону.

— Значит, нервная система функционирует.

Матвей приехал в клинику в день процедуры с бумажным пакетом из пекарни.

— Ты принес еду?

— Это булочки.

— Я вижу.

— Я не знал, что люди приносят на инсеминацию.

— Обычно, подозреваю, ничего.

— Поэтому я решил начать традицию осторожно.

— Булочкой?

— Невозможно сразу вводить свечи и хор.

Лера засмеялась раньше, чем успела вспомнить, что находится в медицинском коридоре и вообще-то нервничает.

Процедура заняла меньше времени, чем дорога до клиники.

Это казалось оскорбительно будничным.

Ей объяснили, что делать дальше, когда звонить, чего не нужно бояться. Матвей сидел рядом и не пытался держать её за руку. За это Лера была ему благодарна. Любой жест, который выглядел бы как имитация супружеской сцены, сейчас раздражал бы её сильнее, чем отсутствие поддержки.

После они вышли на улицу.

— Тебя подвезти?

— У меня через час встреча.

Матвей посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего.

— Не делай это лицо.

— Какое?

— Моё сентябрьское.

— У тебя нет авторских прав на выражения лица.

Лера поправила ремень сумки.

— Я нормально себя чувствую. Мне не нужно лежать на диване и думать продуктивные мысли.

— Я не предлагал продуктивные.

— Тем более.

Он кивнул.

— Тогда напиши вечером.

— Напишу.

В лифте офисного здания Лера посмотрела на своё отражение и не увидела ничего нового.

Её это одновременно успокоило и разозлило.

Две недели ожидания были длиннее самой процедуры примерно в тысячу раз.

Первые четыре дня Лера гордилась тем, что не прислушивается к телу.

На пятый заметила, что прислушивается к тому, как именно она не прислушивается.

На седьмой перестала открывать форумы после того, как прочла три несовместимые трактовки одного и того же ощущения внизу живота.

На десятый Матвей написал:

«Я правильно понимаю, что спрашивать „как ты?“ теперь запрещено до официального результата?»

Лера ответила:

«Можно спрашивать. Нельзя анализировать ответ».

«Сделка».

Результат пришёл в четверг в 14:17, когда Лера стояла в

каска на недостроенной террасе районной библиотеки и объясняла подрядчику, почему водосток не может заканчиваться ровно над будущей скамьей.

Телефон завибрировал в кармане.

Она посмотрела на экран.

Сообщение клиники было коротким.

Беременность не подтверждена.

Повторить связь с координатором в первый день следующего цикла.

— Валерия? — позвал подрядчик.

Лера убрала телефон.

— Да. Если оставить трубу здесь, во время дождя вода будет попадать людям на спину.

— Мы можем сместить скамью.

— Мы не будем перестраивать пространство вокруг плохо поставленной трубы.

Она услышала собственную фразу и почти рассмеялась.

Не потому, что было смешно.

Через полчаса она закончила встречу, спустилась по временной лестнице и только в машине написала Матвею:

«Нет».

Он позвонил почти сразу.

Лера смотрела на имя на экране, пока звонок не закончился.

Через минуту пришло сообщение.

«Я здесь. Могу не звонить».

Она ответила:

«Сегодня не надо».

«Хорошо».

Ещё через минуту:

«Еда у двери в 19:30. Без социального взаимодействия».

Лера набрала: «Не надо».

Стерла.

Написала:

«Только не суп».

Матвей поставил реакцию в виде галочки.

В семь тридцать у двери действительно стоял пакет с лапшой, двумя контейнерами овощей и запиской на чеке: «Суп юридически исключён».

Лера съела половину на кухне, стоя у столешницы.

Она не плакала.

Это почему-то казалось подозрительным, будто существовал правильный способ пережить отрицательный анализ и она снова выбрала слишком функциональный.

Потом вымыла контейнер, хотя его можно было выбросить, и легла спать в десять двадцать.

На следующее утро проснулась раздражённой.

Не на Матвея.

Не на врача.

На собственное тело, которому никто ничего не обещал, но которое всё равно казалось нарушившим договорённость.

Днём пришёл счёт из клиники. Через семь минут Матвей

перевёл ей половину.

Лера увидела уведомление банка во время обеда. Назначение платежа он написал: «медицинское». Никаких шуток.

Она открыла их общую папку с расходами, внесла сумму и поймала себя на том, что эта операция раздражает её тоже. Не потому, что Матвей сделал что-то неправильно. Наоборот — сделал ровно то, о чём они договорились. Деньги были единственной частью последнего месяца, которую действительно можно было разделить пополам без остатка.

Лера написала:

«Получила».

Матвей ответил:

«Угу».

И больше ничего.

Это тоже было правильно.

Вечером она открыла Правила, нашла пункт о равных расходах и несколько секунд смотрела на него. Пункт выглядел разумным. Даже полезным. Благодаря ему не нужно было каждый раз выяснять, кто кому что должен, превращая медицинский цикл ещё и в переговоры о деньгах.

Проблема была не в правиле.

Проблема была в том, что равными деньгами нельзя было сделать равными две недели ожидания внутри собственного тела и две недели ожидания рядом с чужим.

Лера закрыла файл.

Она не собиралась исправлять документ только потому,

что реальность оказалась сложнее одного пункта.

* * *

Вторую попытку они перенесли на июнь.

Лера сама попросила пропустить следующий цикл.

В апреле бюро выходило на конкурс по реконструкции площади перед старым вокзалом, и она не хотела одновременно считать дни цикла и количество парковочных мест, которые муниципалитет пытался вернуть в проект после трёх месяцев переговоров.

Матвей не спорил.

Правило о совместных решениях не понадобилось. Её тело — её пауза. Они выяснили это в марте и не стали снова устраивать заседание по уже решённому вопросу.

В мае они сходили к врачу и согласились попробовать мягкую стимуляцию.

На кухонной полке у Леры появилась небольшая коробка с лекарствами.

Она поставила её между витаминами и запасными фильмами для воды, а потом переставила в верхний шкаф, потому что не хотела видеть каждый раз, когда тянулась за кружкой.

Инъекции оказались проще, чем воображение о них.

Первый укол Лера сделала сама.

Матвей присутствовал по видеосвязи исключительно потому, что за час до этого они спорили, сможет ли она прочитать инструкцию без комментариев.

— Я могу отключиться, — сказал он с экрана.

— Уже поздно. Теперь ты свидетель.

— Чего?

— Того, что я умею следовать инструкции.

— Это никогда не было предметом спора.

— Хорошо. Тогда свидетель того, что я умею не улучшать инструкцию.

Он задумался.

— Вот это историческое событие.

Лера сделала укол.

— Всё?

— Всё.

Матвей выглядел почти разочарованным.

— Я ожидал больше медицинской драмы.

— Могу уронить пластырь.

— Не надо рисковать.

Через несколько дней стало уже не смешно.

Живот тянуло. Она быстрее уставала. На совещании с Рубеном поймала себя на том, что третий раз перечитывает одну и ту же строку сметы.

Рубен спросил:

— Ты больна?

— Нет.

— Отпуск?

— Тоже нет.

Он посмотрел внимательнее, но не спросил дальше.

Лера была ему за это благодарна.

Она не скрывала происходящее как стыдную тайну. Просто не хотела превращать офис в место, где её решения начинают обсуждать раньше, чем существуют последствия.

В день второй процедуры Матвей не смог приехать на утреннее УЗИ: монтаж перенесли с вечера, потому что режиссёр внезапно решил пересобирать первые двадцать минут фильма.

— Не приезжай, — сказала Лера по телефону. — Это контрольное УЗИ. Ты там бесполезен.

— Спасибо за точное описание роли.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Если нужно — приеду.

— Не нужно.

Он не приехал.

И всё равно, сидя одна в коридоре, Лера поймала себя на раздражении.

Оно было настолько очевидно несправедливым, что стало ещё неприятнее.

Она сама сказала ему не приезжать.

Ей действительно не требовалось его присутствие.

Но вокруг сидели пары. Не все держались за руки, не все разговаривали. Один мужчина спал, откинув голову к стене. Другой листал новости. Третья женщина сидела одна, как Лера.

Ничего в этом не означало ничего.

И всё же телесная часть проекта снова лежала только на ней.

Матвей мог заплатить половину счёта, приехать на процедуру, помнить даты, отменить работу.

Он не мог сделать половину уколов себе.

Эта мысль была настолько банальной, что Лера злилась на неё почти сильнее, чем на боль в животе.

На самую процедуру Матвей успел.

Пришёл запыхавшийся, с рюкзаком и кабелем от наушников, торчащим из кармана.

— Я вовремя?

— На четыре минуты раньше.

Он посмотрел на часы.

— Зафиксируй.

— Уже.

Во второй раз они знали, куда идти, где оставить куртки и что процедура закончится быстрее, чем Матвей успеет выбрать плохую шутку.

От этого было легче.

И хуже.

Отрицательный результат пришёл в конце июня.

На этот раз Лера открыла сообщение дома.

Матвей был у неё на кухне. Они договорились не ждать анализ вместе специально; он просто приехал привезти распечатанный вариант завещательных распоряжений, который наконец прислала Элин Восс, и остался пить кофе.

Телефон загорелся на столе.

Лера прочла.

Положила экраном вниз.

Матвей не спросил «ну?».

Она сказала:

— Нет.

Он медленно выдохнул.

— Понял.

— Нечего понимать.

— Хорошо.

Она встала и зачем-то открыла холодильник.

Там были яйца, горчица, половина лимона, йогурт и контейнер с рисом.

Ничего, что отвечало бы на происходящее.

— У тебя нет нормальной еды, — сказала Лера.

— Это твой холодильник.

Она закрыла дверцу.

— Тем более.

Матвей молчал.

Лера ненавидела его за это примерно три секунды.

Потом за то, что если бы он начал говорить, она ненавидела бы его за слова.

— Можем остановиться, — сказал он наконец.

Она повернулась.

— Что?

— Или сделать паузу. Или поменять схему. Я не знаю. Я

просто говорю, что нам не обязательно продолжать по инерции.

Слово «нам» задело её.

Не потому, что было неправильным.

Потому что было одновременно правильным и недостаточным.

— Я хочу ещё одну попытку.

— Хорошо.

— Не «хорошо» в смысле ты разрешаешь.

Матвей слегка нахмурился.

— Лер.

— Я знаю. Прости.

Она села обратно.

Он не стал делать вид, что фраза не была несправедливой.

— Я не могу решить, сколько твоё тело должно это выдерживать, — сказал он. — Но я могу решить, хочу ли я продолжать быть в этом вместе. Хочу. Если ты тоже хочешь.

Лера посмотрела на завещательные документы между ними.

Полгода назад сама идея составлять их для несуществующего ребёнка казалась бы ей почти комической.

Теперь бумаги лежали рядом с двумя кружками, и единственным человеком, который физически мог сказать «ещё одна попытка», была она.

— Тогда ещё одна, — сказала Лера. — Но не в июле.

— В июле мы официально не размножаемся.

— Никогда больше так не говори.

— Уже записываю новое правило.

Она рассмеялась.

Не потому, что стало легко.

Но воздух в кухне снова стал пригоден для дыхания.

* * *

В августе Вельден был пустым и липким от жары.

Половина бюро ушла в отпуск. Рубен работал удалённо откуда-то с побережья и звонил в рубашке, которую в обычной жизни никогда не надел бы на совещание.

Лера не взяла длинный отпуск. Несколько свободных дней оставила вокруг третьей попытки и никому не объясняла почему.

Процедуру назначили на седьмое августа.

На этот раз она знала все шаги.

Это не делало их менее утомительными, но убирало из них хотя бы неизвестность.

Она перестала вести отдельную таблицу симптомов после того, как поняла, что никогда её не открывает.

Матвей больше не спрашивал, нужно ли приезжать на каждое УЗИ. Они договорились заранее: на процедуру — да, на обычный мониторинг — только если Лера попросит.

Это было маленькое правило, которого не существовало в папке.

Оно работало лучше многих записанных.

Две недели после процедуры Лера прожила почти нор-

мально.

Она работала.

Встретилась со Светой.

Один раз забыла на полдня, что ждёт результат, и заметила это только вечером, когда поняла, что забыла ждать.

Наутро двенадцатого дня проснулась в пять сорок и больше не уснула.

Клиника назначила анализ на двадцать первое августа.

Матвей предложил поехать вместе.

Лера согласилась.

Они приехали слишком рано.

В приёмной играла тихая музыка, которую она уже ненавидела за почти год знакомства с клиникой.

Кровь взяли быстро.

— Результат будет в приложении и у врача, — сказала медсестра. — Обычно в течение нескольких часов.

— Отлично, — сказал Матвей. — Мы очень любим неопределённые несколько часов.

Лера посмотрела на него.

— Я говорю за себя.

Они ушли.

Матвей предложил завтрак.

Лера отказалась.

Предложил пройтись.

Она отказалась.

В итоге они сидели в его машине на парковке возле реки,

потому что ехать на работу Лера всё равно пока не могла, а домой не хотела.

Матвей включил радио, через десять секунд выключил.

— Спасибо.

— Я понял, что ведущий слишком счастлив.

Они молчали.

Лера смотрела на людей, которые проходили по набережной: мужчина с велосипедом, женщина с маленькой собакой, двое подростков с напитками в пластиковых стаканах. Обычная пятница. У кого-то начинался отпуск. Кто-то опаздывал. Кто-то покупал хлеб.

Телефон лежал на её коленях экраном вверх.

Когда он завибрировал, Лера вздрогнула так сильно, что Матвей повернул голову.

На экране появилось уведомление приложения клиники.

Она открыла его.

Несколько секунд смотрела на цифру и не понимала, почему буквы вокруг неё складываются медленнее обычного.

Потом прочла строку ещё раз.

Беременность подтверждена.

Контрольный анализ — через сорок восемь часов.

Лера ничего не сказала.

Матвей сидел рядом и ждал.

Она протянула ему телефон.

Он прочёл.

Вернул.

— Это да?

Лера кивнула.

Матвей провёл ладонью по лицу.

— Хорошо.

Сказал и сразу добавил:

— Я не имею в виду «хорошо» как в прошлый раз.

— Я поняла.

— Ты рада?

Лера посмотрела на реку.

Она ждала этого результата почти год — если считать с первой консультации и того утра, когда впервые перестала относиться к материнству как к будущему решению.

Ей казалось, что радость должна быть легко узнаваемой.

Вместо неё было чувство, будто кто-то открыл дверь в помещение, которое они несколько месяцев проектировали по чертежам, и за дверью внезапно оказалось настоящее пространство — с высотой, воздухом и возможностью упасть.

— Пока я в основном очень испугана, — сказала она.

Матвей кивнул.

— Отлично. У меня то же самое.

Это было неправдой.

Не потому, что он не боялся.

Просто у него было другое.

Лера впервые почувствовала это так ясно и не стала спорить.

Телефон снова завибрировал — автоматическое напоми-

вание клиники о контрольном анализе.

Она выключила экран.

Впервые за все месяцы между решением и процедурой следующий пункт плана не выглядел главным.

ЧАСТЬ II. ОБА РОДИТЕЛЯ РАВНЫ

Пункт 2. Оба родителя имеют равный родительский статус.

ГЛАВА 6

Матвей

12 ноября, год 1

На экране Тео пока не был похож ни на кого.

Матвей видел белые линии, серое мерцание и тёмное пространство вокруг. Врач двигала датчиком по животу Леры и время от времени останавливалась, чтобы измерить то, что Матвей не успевал распознать даже после объяснения.

— Вот позвоночник, — сказала она.

Матвей наклонился ближе.

— Конечно.

Лера повернула голову.

— Ты видишь позвоночник?

— Я уважаю мнение специалиста.

— То есть нет.

— Абсолютно нет.

Врач улыбнулась, не отрываясь от монитора.

Лера лежала на кушетке, задрав свитер до рёбер. Беременность была уже достаточно заметной, чтобы люди в метро иногда вставали, но ещё недостаточно, чтобы это происходило без нескольких секунд внутреннего голосования. За последние два месяца Матвей научился не замечать, кто смотрит на её живот, и замечать, когда она начинает уставать раньше обычного.

Это было новым видом знания о человеке, которого он знал пятнадцать лет.

Он знал, что Лера ненавидит кинзу, умеет заснуть в самолёте до взлёта и не отвечает на сообщения со словом «срочно», если отправитель не объясняет, что именно срочно. Теперь он знал, что по утрам она не переносит запах кофе, хотя раньше считала отсутствие кофе признаком нравственного упадка.

Врач снова остановила изображение.

— Сердцебиение хорошее. Размер соответствует сроку. На сегодняшний день всё выглядит спокойно.

Матвей почувствовал, как плечи опустились сами.

Лера только спросила:

— Следующий скрининг в двадцать недель?

— Да. И стандартные анализы по вашему графику.

Матвей не стал спрашивать, почему она не выглядит облегчённой. После августа он быстро понял, что фраза «всё хорошо» в беременности означает только «всё хорошо сейчас».

Это было гораздо менее удобное значение слова «хорошо», чем ему нравилось.

Когда они вышли из клиники, Лера застегнула пальто не с первой попытки.

— Дай, — сказал Матвей.

— Нет.

— Я хотел застегнуть пуговицу, не оформить опеку.

Она посмотрела на него и всё-таки убрала руки.

Матвей застегнул верхние две.

— Остальные не сходятся.

— Я в курсе. У меня есть живот.

— Сегодня я многое узнал.

— Например, где позвоночник?

— Не переоценивай день.

Они дошли до угла, где им нужно было расходиться. Лере

— в бюро, Матвею — на монтаж.

Раньше после медицинских визитов он почти всегда предлагал кофе или завтрак. Теперь перестал. Лера сама говорила, если хотела задержаться.

— Вечером скину тебе обновлённый список вещей, — сказала она.

— Не надо.

Она остановилась.

— Что значит «не надо»?

— Я уже купил пеленальный стол.

Лера несколько секунд смотрела на него.

— Ты что сделал?

— Купил пеленальный стол.

— Мы договорились сначала измерить твою спальню.

— Я измерил.

— Чем?

Матвей помолчал.

— Не тем, что ты сейчас думаешь.

— Я вообще ничего не думаю. Я боюсь узнавать.

— Рулеткой, Лера. У меня есть рулетка.

— Откуда?

— Мне сорок почти.

— Тебе тридцать девять через четыре месяца.

— Именно. Возраст рулетки.

Она всё ещё смотрела подозрительно.

— Он поместился?

— Да.

— И ты проверил, что ящик открывается, если рядом кровать?

Матвей достал телефон, открыл фотографию комнаты и показал ей.

На полу были наклеены полосы малярного скотча, обозначавшие будущую кровать, стол и проход.

Лера увеличила снимок.

— Ты сделал разметку.

— Я работаю с архитектором уже пятнадцать лет. Это инфекционное.

Она вернула телефон.

— Хорошо.

— Это «хорошо» как в августе или обычное?

— Обычное.

Он пошёл к метро, прежде чем она успела придумать дополнительную проверку.

Через десять шагов телефон завибрировал.

«Стол какой?»

Матвей улыбнулся и отправил ссылку.

* * *

К декабрю у них появилось новое занятие: отвергать имена людей, которых они когда-либо знали. На анатомическом скрининге неделей раньше врач сказала, что, насколько можно судить, будет мальчик.

— Мартин, — предложил Матвей.

— Мартин Фосс.

— Я не помню Мартина Фосса.

— Первый курс. Он ел тунца в аудитории.

— Снимается.

— Леон.

— У меня был Леон в съёмочной группе. Украл внешний диск и утверждал, что перепутал.

— Снимается.

— Элиас.

Лера даже не подняла глаз от ноутбука.

— Слишком красиво для ребёнка, который будет есть бумагу.

Они сидели у неё на кухне в воскресенье вечером. На столе лежал распечатанный список имён, две кружки и коробка с коляской, которую Матвей привёз час назад и теперь старательно не открывал.

Лера была на двадцать первой неделе. В тот день она впервые сказала, что чувствует движение не как сомнительное

урчание, а как что-то отдельное.

Матвей спросил, можно ли потрогать.

Она сказала: «Сейчас бесполезно».

Он не спрашивал второй раз.

— Тео? — сказала Лера.

Матвей посмотрел на список.

— У нас был Тео?

— Нет.

— Значит, уже хороший кандидат.

— Слишком коротко?

— Для чего?

— Для фамилии Корин-Марин.

— Наоборот. Мы уже испортили человеку жизнь двойной фамилией, имя можем дать компактное.

Лера набрала что-то в таблице.

— В колонку «не раздражает»?

— В короткий список.

— Есть длинный?

— Был.

— Конечно.

Матвей встал и подошёл к коробке.

— Раз мы определили вероятное имя, можно открыть ко-
ляску?

— Нет.

— Почему?

— Потому что завтра утром у меня презентация, а ты ска-

зал, что заедешь на час.

— Прошло сорок минут.

— Именно.

— Я просто посмотрю инструкцию.

— Это ложь.

— Я взрослый человек.

— Ты взрослый человек, который однажды в два ночи решил собрать мой шкаф, потому что «там всего восемь деталей».

— Там правда было восемь деталей.

— А утром было одиннадцать.

— Производитель положил запасные.

Она закрыла ноутбук.

— Не трогай коляску.

Матвей сел обратно.

— Ты стала очень авторитарной с тех пор, как носишь нашего потенциального Тео.

Лера подняла палец.

— Вот это слово пока не используй.

— Какое?

— «Нашего» в конструкции, где речь идёт о том, что происходит у меня внутри.

Матвей сразу понял, о чём она.

Не потому, что фраза была особенно резкой. Наоборот — Лера сказала её почти буднично.

— Хорошо, — ответил он. — Принято.

Она снова открыла ноутбук.

Через минуту сказала:

— Но имя всё равно наше.

— Спасибо за выделенную долю собственности.

— Не беси меня.

— Я аккуратно.

Они продолжили список.

Тео остался.

Через неделю Лера начала называть его так в сообщениях.

Не постоянно. Иногда писала «ребёнок», иногда «он».

Но в январе Матвей поймал себя на том, что уже не представляет другого имени.

* * *

На двадцать четвёртой неделе они впервые собрали родителей за одним столом после подтверждения беременности.

Не для объявления — к тому времени все уже знали. Галина знала раньше, чем Лера планировала ей сказать, потому что после второго контрольного анализа позвонила ровно в тот момент, когда дочь ещё не придумала убедительную ложь. Борис узнал от Матвея через два дня и ответил: «Ну наконец-то ваши сорок страниц начали производить что-то кроме бумаги».

Теперь повод был практический: обсудить весну.

Лера назвала это «координацией помощи».

Борис — «семейным штабом».

Галина сразу заявила, что слово «штаб» ей не нравится,

потому что ребёнок не война.

— Пока нет, — сказала Нина и положила на тарелку ещё салата.

Матвей посмотрел на мать.

— Очень поддерживающе.

— Я вырастила двоих. У меня статистика.

Они сидели у Леры, потому что она отказалась ехать через весь город ради ужина, который можно провести у неё. Матвей принёс хлеб. Борис — бутылку вина, потом заметил живот Леры, сказал «идиот» самому себе и забрал бутылку обратно в пакет.

Разговор быстро дошёл до вопроса, который Матвей ожидал.

— После роддома ты будешь здесь? — спросила Галина у него.

— Первое время да.

— А потом?

— Потом у меня есть квартира.

— Я знаю, что у тебя есть квартира. Я спрашиваю про ребёнка.

Лера подняла голову.

— Мам.

— Что «мам»? Я уточняю.

Матвей ответил раньше, чем спор успел получить форму.

— Первые недели Тео будет в основном здесь. Потом будем смотреть по кормлению, восстановлению и тому, как он

вообще существует вне наших таблиц. У меня всё готово, но мы не собираемся перевозить новорождённого туда-сюда только ради арифметики.

Галина посмотрела на него внимательнее.

— Тео?

Лера вздохнула.

— Мы пока не объявляли.

— Уже объявили, — сказал Борис. — Мне нравится. Коротко.

— У вас фамилия длинная, — добавила Нина. — Правильно.

Галина всё ещё смотрела на Матвея.

— То есть первое время ты признаёшь, что он будет больше у Леры?

Вопрос прозвучал как проверка.

Матвей почувствовал знакомое желание ответить легко, потому что лёгкий ответ обычно снимал лишнее напряжение. Но в последние месяцы он всё чаще замечал, что лёгкость иногда просто откладывает точность.

— Я признаю, что после родов у Леры будет физическое восстановление и, возможно, кормление, — сказал он. — Это не делает меня запасным родителем. И не делает её главным навсегда.

— Я не это сказала.

— Я знаю.

Лера не вмешивалась.

Борис разломил кусок хлеба.

— Я вот другое не понимаю. Куда мне приходиться к внуку? Все посмотрели на него.

— В смысле? — спросил Матвей.

— В прямом. Раньше всё было просто. У сына ребёнок

— идёшь к сыну домой. Здесь я прихожу к тебе, а ребёнка там нет. Прихожу к Лере — вроде как без приглашения к чужому человеку.

— Мы знакомы пятнадцать лет, — сказала Лера.

— Это не делает твою квартиру моей семейной территорией.

Он сказал это без претензии, почти задумчиво.

Матвей впервые увидел их будущую систему не изнутри, а глазами человека, которому никто не выделил понятного места.

— Будешь приходить туда, где он будет, — сказал он.

Борис пожал плечами.

— Разберёмся.

Матвей усмехнулся.

— Опасное слово.

— От тебя слышу.

После ужина Галина помогала Лере убирать посуду, Нина спорила с Борисом о том, можно ли дарить младенцу книги, а Матвей стоял в коридоре возле ещё не распакованного автотокресла.

Он вдруг понял, что Правила описывали двух родителей

и одного ребёнка очень подробно.

Остальным людям в них почти не было места.

Пока это не было проблемой.

Но уже было фактом.

* * *

Курс подготовки к родам проходил по четвергам в помещении с мягким светом и слишком большим количеством бежевого.

Матвей пришёл туда прямо с монтажа и первые пятнадцать минут чувствовал себя человеком, которого по ошибке записали на корпоративный тренинг.

Ведущая говорила о фазах родов, дыхании, обезболивании и роли партнёра.

Слово «партнёр» каждый раз заставляло его мысленно добавлять: родительский.

Он не поправлял ведущую. Всем остальным в комнате явно было всё равно.

На перерыве мужчина рядом спросил:

— У вас первый?

— Да.

— Страшно?

Матвей посмотрел на Леру, которая у автомата выбирала между водой и ещё одной водой.

— Да.

— Моя говорит, я слишком спокойный.

— Моя ничего такого не говорит.

Мужчина улыбнулся.

— Жена?

— Подруга. Мы вместе родители, но не пара.

Матвей уже научился произносить эту фразу без внутренней подготовки.

Мужчина кивнул.

— А.

И спросил, знает ли Матвей, где здесь туалет.

Это был лучший возможный ответ.

После занятия они шли к машине. Лера двигалась медленнее обычного и положила ладонь на поясницу.

— Ты как?

— Нормально.

— Это медицинское «нормально» или твоё?

— Моё.

Матвей открыл ей дверь.

— Ведущая сказала, что в первые недели лучше иметь человека, который берёт на себя еду, покупки и всё, что не ребёнок.

— Я слышала.

— Я могу жить у тебя первое время.

Лера посмотрела на него.

— Жить?

— В гостиную. Не начинай.

— Я не начинаю. Я пытаюсь понять, что ты предлагаешь.

— Первые две недели после больницы. Или три. Посмот-

рим. Я возьму паузу между проектами.

— Ты уже договорился?

— Я не беру ничего с пятнадцатого апреля по конец мая.

Лера открыла дверь, но не села.

— Ты заблокировал полтора месяца?

— Да.

— А если роды будут раньше?

— Тогда отменю остаток текущего монтажа.

— А если позже?

— Продлю.

Она продолжала смотреть на него.

Матвей почувствовал раздражение раньше, чем понял его причину.

— Что?

— Ничего.

— Лера.

— Я просто не знала, что ты уже это сделал.

— Мы обсуждали, что я освобожу время.

— Обсуждали. Не даты.

— Тебе не подходят даты?

— Подходят.

— Тогда в чём проблема?

Она вздохнула.

— Ни в чём. Правда. Это хорошее решение.

Матвей смотрел, как она садится в машину.

Он знал её достаточно давно, чтобы понимать: «хорошее

решение» и «мне хорошо от этого решения» — разные фразы.

Но дальше она не продолжила, и он не стал вытаскивать объяснение силой.

По дороге она сама сказала:

— Я не привыкла, что кто-то меняет работу из-за того, что происходит со мной.

Матвей посмотрел на дорогу.

— Это происходит не только с тобой.

Она повернула голову.

Он сразу добавил:

— Я имею в виду последствия. Не беременность.

— Я поняла.

— Хорошо.

— И мне всё равно непривычно.

— Привыкай частично.

— Что значит частично?

— Не знаю. Звучало мудро.

Лера фыркнула.

На этом они закончили.

* * *

Коляску он всё-таки собрал в феврале.

Лера разрешила после того, как презентация давно прошла, имя Тео закрепилось, а коробка начала раздражать её самым фактом существования в гостинной.

Инструкция состояла из двадцати четырёх страниц.

Матвей прочитал первые две.

Через сорок минут Лера вышла из кабинета и остановилась.

— Почему колесо там?

— Где?

— В корзине.

Матвей посмотрел вниз.

— Временно.

— Ты прикрутил колесо к корзине.

— Я проверял варианты.

Лера молча подняла инструкцию с пола и положила ему на колени.

— Я почти закончил.

— Именно этого я и боюсь.

В итоге они собирали вместе.

Матвей держал раму, Лера читала шаги, сидя на диване с ногами на пуфе. На тридцатой неделе ей стало неудобно долго стоять, хотя она злилась каждый раз, когда тело сообщало об этом раньше неё.

К полуночи коляска стояла в коридоре.

Нормальная.

С четырьмя колёсами на правильных местах.

Матвей прокатил её туда-сюда.

— Теперь можно ребёнка.

— Отлично, что мы решили главную проблему.

— Остальное разберёмся.

Он сказал это автоматически.

Лера подняла на него глаза.

Матвей услышал собственную фразу уже после того, как она прозвучала.

— Нет, — сказал он. — Отмена. Остальное у нас расписано на сорока двух пунктах и двадцати семи страницах приложений.

— Двадцати девяти.

— Конечно.

Она улыбнулась.

Но Матвей запомнил момент.

Раньше «разберёмся» означало для него доверие к себе и к людям вокруг.

Теперь иногда означало, что кто-то другой будет ждать, пока он разберётся.

Ему это не нравилось.

* * *

В апреле у Леры появилась сумка у двери.

Она стояла там почти три недели и каждый раз казалась Матвею слишком маленькой для события, к которому они готовились год и семь месяцев.

Двадцать второго апреля он приехал к ней после обеда с контейнерами еды.

Лера работала за кухонным столом, хотя официально уже взяла отпуск.

— Это считается отдыхом? — спросил он.

— Я отвечаю на два письма.

— На экране семь окон.

— Два письма сложные.

Живот был уже настолько большим, что Матвей перестал понимать, как она вообще находила удобное положение.

Тео двигался видимо — короткая волна прошла под тканью футболки.

Матвей остановился.

Лера заметила.

— Хочешь?

Он не сразу понял.

Она положила ладонь сбоку живота.

— Сейчас он активный.

Матвей подошёл и положил руку туда, куда она показала.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом изнутри толкнуло.

Не сильно.

Но совершенно отдельно от Леры.

Матвей убрал руку почти сразу.

— Это очень странно.

— Спасибо.

— Не ты. То есть ты тоже, но в другом смысле.

— Выкарабкивайся сам.

Он сел напротив.

На кухне было тихо. За окном шёл обычный апрельский дождь. На холодильнике висел распечатанный список теле-

фонов, рядом — график первых двух недель после родов, который они переделывали уже трижды.

По плану Матвей ночевал у Леры на диване первую неделю, затем они смотрели по ситуации. Его квартира пока оставалась просто его квартирой; детская там была готова, но ночёвки Тео предполагались позже, когда станет понятно, как пройдут кормление и восстановление.

Это было разумно.

Матвей всё равно чувствовал странное несоответствие: у него дома стояла кровать для ребёнка, который первое время почти наверняка не будет там спать.

Равенство пока выглядело как две одинаково серьёзные готовности к очень разным задачам.

— Что? — спросила Лера.

— Ничего.

— Ты смотришь на холодильник уже минуту.

— Думаю, куда мы повесим новую версию графика, если ты добавишь ещё один лист.

— На дверь.

— Тогда мы не сможем выйти.

— Это решит часть рисков.

Телефон Леры зазвонил.

Она посмотрела на экран и отключила вызов.

— Мама?

— Да.

— Сколько сегодня?

— Три.

— До вечера ещё далеко.

— Не подбадривай её.

Матвей открыл холодильник.

— Я привёз суп, пасту и что-то, что в магазине называлось

«энергетическими шариками».

— Нет.

— Ты даже не видела.

— Уже нет.

— Хорошо. Мне больше.

Он поставил контейнеры внутрь.

Когда закрыл дверцу, Лера сидела неподвижно и смотрела перед собой.

— Что?

Она подняла руку.

— Подожди.

Матвей замер.

Через несколько секунд она выдохнула.

— Кажется, тренировочная.

— Кажется?

— Матвей, если бы я точно знала, я бы использовала другое слово.

— Логично.

Он сел обратно.

Через десять минут ничего не произошло.

Через двадцать Лера снова открыла ноутбук.

Он уехал в десять вечера, предварительно проверив телефон на громкость четыре раза.

В шесть сорок утра двадцать третьего апреля пришло сообщение.

«Не приезжай. Всё спокойно. Просто сообщаю: ночью было несколько нерегулярных схваток».

Матвей прочитал его дважды.

Потом написал:

«Принял. Не приезжаю».

Через минуту добавил:

«Но я уже не сплю, и это твоя вина».

Ответ пришёл почти сразу.

«Это разминка».

Он улыбнулся.

На кухне его квартиры стояла детская бутылочка, которую он купил слишком рано и пока ни разу не использовал. На стуле лежала сумка с документами. В календаре не было ни одной рабочей встречи.

Впервые в жизни Матвей подготовился к событию, дату которого никто не мог назвать.

И теперь оставалось только ждать, не превращая ожидание в действие.

ГЛАВА 7

Лера

24 апреля, год 1

В четыре двенадцать утра Лера проснулась от ощущения, будто кто-то очень медленно затягивает ремень вокруг нижней части живота.

Она открыла глаза и посмотрела на потолок.

Боль отступила.

В квартире было тихо.

На тумбочке лежал телефон, рядом — стакан воды и сложенная вчетверо бумага с инструкцией из клиники: когда звонить, когда ехать, что считать регулярными схватками.

Лера знала её почти наизусть.

В четыре двадцать одна ремень затянули снова.

Она включила таймер.

К пяти утра стало ясно, что это уже не тренировка.

Первое желание было дожидаться семи.

Не потому, что семь что-то меняло. Просто звонить человеку в пять утра казалось чрезмерным, даже если этот человек восемь месяцев повторял, что именно для этого у него включён звук.

В пять тринадцать схватка заставила Леру встать с кровати и опереться ладонями о комод.

После неё она написала:

«Похоже, началось. Пока дома. Позвони, когда увидишь».
Телефон зазвонил через двенадцать секунд.

— Ты не спал?

— Спал.

Голос Матвея был совершенно бодрым, что означало: он врал.

— Интервал?

— Пока от семи до девяти минут.

— Воды?

— Нет.

— В клинику звонила?

— Ещё нет. Они сказали звонить при пяти минутах или если что-то изменится.

На другом конце повисла короткая пауза.

— Мне ехать?

Лера посмотрела на сумку у двери.

— Да.

— Уже еду.

Он не сказал «всё будет хорошо».

За это она была ему благодарна.

* * *

В семь двадцать они всё ещё были дома.

Матвей приготовил тосты, которые Лера не смогла есть, убрал тосты, налил воду, перестал спрашивать, хочет ли она воды, потому что она и так пила, и трижды проверил сумку, пока Лера наконец не сказала:

— Если ты ещё раз проверишь документы, я рожу тебе назло без паспорта.

— Принято.

Он сел на пол у дивана.

Схватки стали ближе.

Во время одной Лера закрыла глаза и дышала так, как показывали на курсах. Это раздражало её своей эффективностью. Она предпочла бы считать дыхательные упражнения декоративной частью подготовки.

Когда боль отпустила, Матвей спросил:

— Пять?

Лера посмотрела на таймер.

— Четыре сорок восемь.

— Звоним?

— Звоним.

В клинике выслушали интервалы, задали несколько вопросов и сказали приезжать.

Матвей поднялся.

— Такси уже вызвал.

— Когда?

— Пока ты разговаривала.

Лера посмотрела на него.

— Хорошо.

— Какое?

— Нормальное.

Он кивнул и взял сумку.

В лифте началась следующая схватка.

Лера упёрлась лбом в холодное зеркало.

Матвей стоял рядом, не трогая её.

Ещё одна вещь, которой они научились: помощь не всегда начиналась с рук.

* * *

К полудню Лера перестала считать время.

Боль не была похожа ни на одну из метафор, которые она слышала заранее. Не волна, не давление, не «сильные месячные». Она просто занимала всё доступное пространство, потом отпускала и оставляла несколько минут, в которые окружающий мир снова становился нелепо обычным.

В эти минуты медсестра поправляла провод, кто-то приносил чай, Матвей отвечал на сообщение Галины одним и тем же текстом: «Всё идёт, новости будут».

— Она позвонила? — спросила Лера.

— Дважды.

— Не бери.

— Я не беру.

— Люблю тебя.

Фраза вышла автоматически и не имела ничего общего с романтикой. Так Лера могла сказать Свете, отцу или человеку, который в данный момент удерживал её мать от третьего звонка в родильное отделение.

Матвей ответил:

— Я знаю.

И добавил:

— Ужасное время для признаний.

Лера рассмеялась и тут же пожалела, потому что началась следующая схватка.

Позже пришёл врач и предложил обсудить обезболивание.

Лера согласилась почти до того, как он закончил предложение.

Матвей ничего не сказал.

На курсах им отдельно объясняли, что родовой план — не экзамен на последовательность. Лера была рада, что хотя бы один заранее составленный документ официально разрешалось менять без чувства провала.

После эпидуральной анестезии боль не исчезла полностью, но перестала поглощать комнату.

Лера смогла закрыть глаза.

Проснулась от того, что врач разговаривал с Матвеем.

— ...если динамика останется такой, думаю, ещё несколько часов.

— Хорошо, — сказал он.

Лера открыла глаза.

— Почему ты отвечаешь?

Матвей сразу повернулся.

— Не отвечаю за тебя. Он сказал прогноз.

Врач поднял ладонь.

— Это я говорил с обоими, простите.

Лера почувствовала раздражение, слишком большое для произошедшего.

— Я не сплю.

— Вижу, — сказал Матвей.

Ни защиты, ни шутки.

Через минуту врач ушёл.

— Прости, — сказала Лера.

— Не за что.

— Есть.

— Тогда потом.

Она закрыла глаза.

«Потом» внезапно стало огромным словом.

Потом будет ребёнок.

Потом надо будет решать, кто и где спит.

Потом больница закончится, а Правила останутся.

Лера впервые подумала, что роды хотя бы имеют очевидный финал.

* * *

Тео родился в двадцать один сорок семь.

Первые секунды Лера не поняла, что именно произошло.

Было движение, голос врача, давление исчезло, кто-то сказал: «Вот он», и затем появился крик — сердитый, тонкий, совершенно не соответствующий размеру события.

Ей положили ребёнка на грудь.

Он был мокрый, тёплый и гораздо меньше, чем всё, что занимало её мысли последние месяцы.

Лера смотрела на его тёмные волосы, смятый нос и закрытые глаза и не чувствовала никакой одной правильной эмоции.

Облегчение.

Шок.

Усталость.

Нежность, которая приходила не красивой волной, а короткими отдельными вспышками.

И сильнейшее желание, чтобы все вокруг говорили тише.

— Привет, — сказала она.

Тео продолжил кричать.

— Отличное первое впечатление.

Матвей стоял справа.

Лера увидела его только теперь.

Он выглядел так, словно несколько часов назад забыл, что умеет моргать.

— Ты хочешь... — начала она.

— Потом, — сказал он. — Не спеши.

Это было именно то, что ей было нужно услышать.

Тео постепенно затих.

Через какое-то время — Лера потом не смогла бы сказать, через двадцать минут или сорок — медсестра помогла Матвею взять его.

Он держал ребёнка осторожно, но не испуганно.

— Он очень маленький, — сказал Матвей.

— Ты ожидал восемнадцатилетнего?

— Я ожидал больше щёк.

— Дай ему неделю.

Матвей посмотрел на Тео.

Лера смотрела на них обоих и впервые увидела то, что до этого существовало только в документах, разговорах и фотографиях с УЗИ.

Отец и сын.

Не «её ребёнок и человек, который помогает».

Не абстрактные равные родители.

Два отдельных человека, чьи отношения начались без неё как посредника, хотя физически всё произошло через неё.

Мысль была одновременно успокаивающей и странно болезненной.

Лера не стала её разбирать.

У неё больше не было сил на анализ.

* * *

На второе утро Тео икал шесть минут, и Матвей решил, что это подозрительно.

— Что именно?

— Длительность.

— У него икота.

— Я понимаю.

— Ты выглядишь так, будто собираешься вызвать комиссию.

Матвей смотрел на ребёнка в прозрачной больничной люльке.

— Он весит три с половиной килограмма. Всё выглядит подозрительно.

Лера попыталась перевернуться на бок и передумала на середине движения.

Тело болело в местах, о существовании которых она раньше не думала. Встать с кровати занимало время. Сесть — тоже. Даже душ требовал внутренней подготовки.

Кормление пока не выглядело ни естественным, ни красивым. Тео то засыпал через минуту, то сердился, то хватал грудь неправильно, и тогда приходила консультант и снова показывала положение рук.

Лера внимательно слушала.

Потом делала всё немного иначе, потому что грудь и ребёнок принадлежали реальности, а не схеме.

Матвей научился менять подгузник со второй попытки.

Первая закончилась тем, что чистый подгузник стал грязным ещё до того, как оказался застёгнут.

— Это диверсия, — сказал он.

— Он два дня живёт и уже понял твои слабые места.

— Хороший продюсерский инстинкт.

Тео в ответ чихнул.

На третий день врач разрешил выписку.

Медсестра спросила адрес, куда они едут.

Лера назвала свой.

Потом адрес Матвея для документов второго родителя.

Медсестра подняла глаза, быстро разобралась и больше не

задавала вопросов.

Матвей вынес вещи.

Лера одела Тео в крошечный хлопковый комбинезон, который казался огромным, когда они покупали его зимой, и теперь оказался почти впору.

Автокресло стояло возле кровати.

Они оба смотрели на него.

— Ты устанавливал? — спросила Лера.

— По инструкции.

— Полной?

— Я даже посмотрел видео производителя.

— Я начинаю тебя не узнавать.

— Родительство меня испортило.

* * *

Дома всё оказалось знакомым и неправильным.

Те же стены.

Та же кухня.

Та же вешалка в прихожей, на которую Матвей сразу повесил свою куртку.

Но в гостиной стояла люлька. На диване лежали сложенные простыни для Матвея. В ванной появилась детская ванночка, которой пока никто не знал, когда пользоваться.

Галина оставила в холодильнике три кастрюли еды и записку «не спорить, просто есть».

— Я впервые полностью согласен с твоей матерью, — сказал Матвей.

Лера не ответила.

Она стояла возле люльки и смотрела, как Тео спит.

Новорождённые, как выяснилось, спали не спокойно. Он вздрагивал, морщился, двигал губами, издавал тихие звуки, от которых Лера каждые тридцать секунд проверяла, дышит ли он.

— Он дышит, — сказал Матвей из кухни.

— Я ничего не спросила.

— Я тоже проверял.

Это помогло больше, чем должно было.

Первая ночь дома распалась на кормления, подгузники, воду, обезболивающее и короткие промежутки сна, которые Лера не успевала заметить.

Матвей вставал каждый раз.

Если Тео просыпался голодным, он приносил его Лере. Если после кормления не засыпал, Матвей ходил с ним по гостиной и тихо рассказывал про предметы.

— Это лампа. Она неинтересная. Это книжная полка. Тебе туда нельзя примерно ещё четыре года. Это растение. Твоя мать считает, что оно живо из принципа...

— Я слышу, — сказала Лера из спальни.

— Отлично. Это мать. Она подслушивает.

Лера улыбнулась в подушку.

К пяти утра улыбаться перестала.

На второй день всё повторилось.

На третий — тоже.

Время перестало делиться на утро и вечер. Оно делилось на до кормления и после.

Тео ел часто, спал кусками, иногда плакал без причины, которую взрослые могли определить. Его руки почти всегда были сжаты, голова требовала поддержки, взгляд задерживался на лице всего на несколько секунд и часто проходил мимо.

Лера знала, что это нормально.

Знание не делало её менее усталой.

* * *

На четвёртый день после выписки пришла патронажная медсестра.

Лера заранее убрала с кухонного стола всё лишнее, потом разозлилась на себя и вернула туда кружку, зарядку и пачку салфеток. Дом с новорождённым не обязан был сдавать экзаме́н.

Матвей открыл дверь, пока Лера пыталась застегнуть домашнюю кофту одной рукой.

Медсестра взвесила Тео, осмотрела пупочную ранку, спросила про количество мокрых подгузников и кормления.

— Вес немного ниже, чем при рождении, но в ожидаемых пределах, — сказала она. — В ближайшие дни должен начать возвращаться.

Лера кивнула.

— Сколько именно считается нормой?

Медсестра назвала диапазон.

Лера уже открывала заметки в телефоне.

— Не надо взвешивать его дома после каждого кормления, — добавила женщина, заметив движение.

Лера подняла глаза.

— Я не собиралась.

Матвей кашлянул.

— Ни слова, — сказала Лера.

— Я вообще дышал.

Медсестра улыбнулась.

Потом спросила, как спит сама Лера.

Это показалось почти оскорбительным вопросом.

— По-разному.

— Есть помощь ночью?

— Да.

Она кивнула на Матвея.

— Папа остаётся?

— Пока здесь, — ответила Лера.

— Хорошо. Тогда пусть всё, что можно делать без груди, делает он. Подгузники, еда, посуда, укачивание после кормления. Вам сейчас нужно восстанавливаться.

Лера почувствовала почти детское желание возразить на слово «нужно».

Матвей сказал:

— Уже.

И на этот раз её не раздражило, что он ответил первым.

После осмотра медсестра ушла, оставив памятку и номер

телефона.

Матвей положил памятку на холодильник.

— Нам официально разрешили эксплуатировать меня.

— Не радуйся. Я могу войти во вкус.

— В Правилах этого не было.

Лера посмотрела на него.

— В Правилах не было половины того, что произошло за четыре дня.

Матвей не ответил сразу.

Тео завозился в люльке, резко развёл руки в стороны и снова сжал их.

— Это рефлекс Моро, — сказала Лера.

— Я знаю.

— Откуда?

— Я тоже умею читать интернет.

— Это тревожная новость.

Он поднял ребёнка, придерживая голову.

Тео сморщился, но не заплакал.

— Видишь? — сказал Матвей. — Мы развиваемся.

— Кто именно?

— Все трое.

Лера хотела поправить: Тео развивается, а они скорее теряют координацию от недосыпа. Но не стала.

Через час пришла Галина с пакетом чистых полотенец и ещё одной кастрюлей супа.

— Я на двадцать минут, — сказала она с порога.

Лера знала, что в переводе с маминого это означало «пока меня не выгонят».

Галина помыла руки и остановилась возле люльки.

— Можно?

Раньше Лера почти наверняка дала бы подробную инструкцию: как держать, где поддерживать голову, когда вернуть.

Вместо этого она сказала:

— Конечно.

И ушла в душ.

Дверь ванной закрылась, вода зашумела, и только тогда Лера поняла, что впервые с рождения Тео находится в другой комнате, не проверяя каждую секунду, кто именно его держит.

Пять минут спустя ей захотелось выйти.

Она осталась под водой ещё пять.

Это было ничтожно мало и почему-то ощущалось как упражнение на доверие.

Когда Лера вернулась, Галина сидела в кресле с Тео на руках, а Матвей складывал бельё на диване совершенно неправильными прямоугольниками.

— Ты так специально? — спросила Лера.

— Я делаю объём, а не архитектуру.

Она забрала у него футболку и сложила заново.

— Вот поэтому цивилизация и держится на женщинах.

— Я думал, на инфраструктуре.

— Сегодня — на футболках.

Галина тихо рассмеялась.

Тео спал, не подозревая, что вокруг него уже формируется система взрослых, которых никто не прописал до конца.

* * *

На шестой день Матвей сказал:

— Я съезжу домой часа на три.

Лера сидела на диване с Тео у груди.

Фраза была совершенно разумной.

Матвею нужны были чистая одежда, душ, почта и, вероятно, хотя бы один час сна в собственной кровати. Он жил у неё почти неделю. Он готовил, стирал, покупал продукты, менял подгузники и ни разу не произнёс фразу «скажи, чем помочь».

Лера всё это понимала.

И всё равно первое, что она почувствовала, было яростью.

Не на Матвея.

На дверь.

На его квартиру.

На тот факт, что у него существовало место, куда можно уехать на три часа и где не будет ребёнка, который проснётся ровно в тот момент, когда ты закроешь глаза.

Она опустила взгляд на Тео.

— Конечно.

Матвей не двинулся.

— Что?

— Ничего.

— Это твоё «ничего» номер четыре.

— У меня есть классификация?

— Пятнадцать лет наблюдений.

Лера почувствовала, как раздражение ищет удобную цель.

— Ты хочешь, чтобы я попросила тебя не ехать?

— Я хочу понять, нужно ли тебе, чтобы я не ехал.

Вот она — нормальная фраза. Та самая, которая должна была решить недопонимание.

И она действительно решила недопонимание.

Проблему — нет.

— Мне не нужно, чтобы ты не ехал, — сказала Лера. — Мне не нравится, что ты можешь.

Матвей молчал.

Тео перестал есть и заснул, прижавшись щекой к её груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.